Сальков, А.П. Словацко-венгерский национально-территориальный конфликт и международные отношения в Карпато-Дунайском регионе (март 1939-май 1945 г.) / А.П. Сальков // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 8 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. - Минск: БГУ, 2013. - С. 68-98.

А. П. Сальков

СЛОВАЦКО-ВЕНГЕРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КАРПАТО-ДУНАЙСКОМ РЕГИОНЕ (март 1939 — май 1945 г.)

Германо-словацкий договор (18—23 марта 1939 г.) и словацко-венгерская война (23—26 марта 1939 г.) привели к оккупации Германией обширной зоны в Западной Словакии и очередной аннексии Венгрией части Восточной Словакии. Влияние Германии в регионе возросло, она получила возможность манипулировать и Братиславой, и Будапештом. Берлин сделал территориальный спор между Словакией и Венгрией объектом политического торга и шантажа. Это стало одной из причин присоединения данных стран к Тройственному пакту. С началом Второй мировой войны проблема возврата утраченных Словакией в пользу Венгрии территорий перешла в плоскость отношений чехословацкого эмигрантского правительства с западными странами. Э. Бенеш сформулировал принципы непрерывности правового существования ЧСР, а также непризнания решений Мюнхенского соглашения и Первого Венского арбитража. Из чего вытекала реставрация предвоенной территории. Венцом идеи ее восстановления в старых границах стал советско-чехословацкий договор 12 декабря 1943 г. Важнейшим результатом визита Бенеша в Москву в марте 1945 г. стало согласие советского руководства на трансфер из Чехословакии немецкого и венгерского населения. 5 апреля 1945 г. была принята Кошицкая программа, заложившая принципы этнической чистки. Однако еще с осени 1944 г. начали приниматься постановления Словацкого национального совета о репрессивных мерах по отношению к венграм. В мае 1945 г. произошла вспышка антивенгерских настроений в Словакии, что подготовило драматический процесс изгнания части венгров и жесткой дискриминации оставшихся.

German- Slovak agreement (18—23 March 1939) and the Slovak-Hungarian War (23—26 March 1939) led to the occupation of Germany zone in western Slovakia and Hungary once the annexation of eastern Slovakia. Germany's influence in the region has increased, she was able to manipulate and Bratislava, and Budapest. Berlin made territorial dispute between Slovakia and Hungary by an object of political bargaining and blackmailing. This was one of their reasons for connec-tion of these countries to the Tripartite Pact. With the onset of World War II the problem back in favor of Slovakia lost territories of Hungary moved into the plane of the relationship of the Czechoslovak Government in exile in Western countries. E. Benes formulated the principles of continuity of the legal existence of the Czechoslovak state, as well as the non- recognition of judgments the Munich Agreement and the First Vienna arbitrator Ms. From this follows the restoration of pre-war Czechoslovakia. The climax of the ideas of its recovery within the old borders was the Soviet-Czechoslovak agreement December 12, 1943 The most important result of the visit Benes in Moscow in March 1945 was the agreement of the Soviet leadership to transfer from Czechoslovakia, German and Hungarian population. April 5, 1945 was adopted Kosice government program that laid the principles of ethnic cleansing. However, since the fall of 1944 began to be adopted the decision of the Slovak National Council repressive measures against the Hungarians. In May 1945 , an outbreak of antivengerskih sentiment in Slovakia, which paved the process of a dramatic expulsion of Hungarians and severe discrimination remained.

Ключевые слова: Словацко-венгерский конфликт, континуитет чехословацкого государства, трансфер венгров из Словакии.

Keywords: Slovak- Hungarian conflict, the continuity of the Czechoslovak state — Watzke, transfer of Hungarians from Slovakia.

* Статья выполнена в рамках Государственной программы научных исследований на 2011—2015 гг. «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и государственной идеологии» (ГПНИ «История, культура, общество, государство»).

Сальков Анатолий Петрович — заведующий кафедрой истории южных и западных славян Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: anatsalkov@mail.ru

На Парижской мирной конференции 1919 г. вопреки продекларированным этническим принципам в состав Чехословацкой республики (ЧСР) были включены земли с почти миллионным венгерским населением, которое компактно проживало в Южной Словакии и Подкарпатской Руси. Это стало одной из предпосылок венгерского ревизионизма, направленного в межвоенный период против ЧСР. Однако после аншлюса Австрии в марте 1938 г. и нарастания кризиса в Судетской Богемии ситуация изменилась. Бледские протоколы (август 1938 г.), по мнению Венгрии, не распространяли принципы ненападения на ЧСР, так как с ней не было заключено соглашение о статусе национальных меньшинств. После Мюнхенской конференции Будапешт потребовал от Праги немедленно начать переговоры о передаче Венгрии районов с преобладающим мадьярским населением. В условиях политического кризиса в Чехословакии и появления автономий в Словакии и Подкарпатской Руси события привели к двусторонним переговорам. Они состоялись 9—13 октября 1938 г. в Комарно, но, несмотря на ряд словацких уступок, закончились провалом. Советская дипломатия, продолжая находиться под впечатлением мюнхенских решений, не смогла отделить их долговременных последствий от самостоятельных политических результатов переговоров в Комарно. Следующим этапом решения проблемы стал Венский третейский суд 2 ноября 1938 г. Его решением Венгрии передавались 10,3 тыс. км кв. словацкой территории с населением более 850 тыс. чел., 59 % которого составляли венгры. Советская оценка первого Венского арбитража, который квалифицировался как естественное следствие Мюнхена, сводилась к порицанию Венгрии и моральной поддержке ЧСР. Констатировался тот факт, что Германия не допустила создания общей венгеро-польской границы. Новая же венгеро-словацкая граница де-факто Москвой была признана. Демаркация новой границы возлагалась на венгеро-чехо-словацкую делимитационную комиссию, работа которой привела к подписанию 7 марта 1939 г. протокола о линии границы. Другой орган — общая миноритарная комиссия — пытался выработать нормы по защите словацкого и венгерского меньшинств. Ограниченным результатом ее работы стал договор 18 февраля 1939 г. об обмене населения переданных территорий и предоставлении гражданства. На этом фоне неконтролируемо развивались два встречных миграционных потока, но преобладающим был поток беженцев и переселенцев в Словакию с арбитражной территории, отошедшей к Венгрии. В результате острейшего политического кризиса середины марта 1939 г. Словакия провозгласила независимость, Германия оккупировала чешские земли, объявив создание Протектората Богемия и Моравия. Венгрия же оккупировала Карпатскую Украину (переименованная 30 декабря 1938 г. Подкарпатская Русь), что создало общую венгеро-польскую границу [подробнее см. 1].

Словацко-венгерские противоречия в марте 1939 — ноябре 1940 гг. 18 марта 1939 г. в Вене был тайно подписан германо-словацкий Охранный договор сроком на 25 лет, оказавший глубокое воздействие на развитие словацко-венгерского конфликта. Германия брала на себя по договору охрану независимости и территориальной целостности Словакии (§ 1), которая в свою очередь соглашалась на создание «охранной зоны» вдоль ее западной границы с исключительными правами для вермахта (§ 2), обязывалась поставить под контроль Берлина свою армию (§ 3), а также согласовывать с ним свою внешнюю политику (§ 4). Отметим интересный факт: в октябре 1939 г. словацкая сторона обнаружила, что оригинальный текст договора был потерян [2, dok. č. 96 a pozn. 719, s. 305—306].

Подписанию договора предшествовали события, которые вносят коррективы в сложившийся в литературе ход событий. Ввод немецких войск на территорию Словакии начался 17 марта, а не позднее, как было принято считать. Это следует из письма словацкого МИДа в Берлин в этот день, написанного обеспокоенным и даже протестным тоном, в котором уже содержались сведения о вступлении частей вермахта на словацкую землю. Параллельно началась и немецкая оккупация Чехии, что вызвало как транспортный коллапс на чешско-словацкой границе, так и панику в Братиславе. Данные обстоятельства, возможно, застави-

ли словаков форсировать подписание Охранного договора [2, dok. č. 80, s. 280—281]. 17 марта состоялся разговор начальника Политического отдела германского МИДа Эрнста Вёрмана с венгерским посланником Дёме Стояи. Посол принес карту и просил повлиять на Братиславу, чтобы она не чинила препятствий венгерскому плану по перемещению границы с Карпатской Русью на 10 км к западу [2, dok. č. 81, s. 281—282]. Статс-секретарь германского МИДа (второе лицо после рейхсминистра) Эрнст фон Вайцзеккер 18 марта отправил инструкцию немецкому поверенному в делах и генеральному консулу в Братиславе Эрнсту фон Дрюффелю, в которой указал, что немецкое военное руководство (экспертом выступал начальник разведуправления Генштаба сухопутных сил генерал-майор Курт фон Типпельскирх) одобряет инициативу Будапешта. Вайцзеккер писал о необходимости повлиять на словаков, чтобы они не допустили эскалации конфликта, а также считал: «пусть венгры продвинутся настолько далеко, насколько смогут» [2, dok. č. 82, s. 282—283]. Однако следом в Будапешт пришло указание Типпельскирха, что дальше оговоренной линии венграм продвигаться не следует [2, dok. č. 83, s. 283]. Венгры были готовы сесть за стол переговоров со словаками для подписания соглашения о границе сразу же после завершения операции [2, dok. č. 84, s. 285]. 18 марта, выполняя инструкцию Вайцзеккера, Дрюффель предупредил о предстоящей операции словацких политиков и довел до их сведения позицию Берлина [2, dok. č. 86, s. 287].

Германия, как вскоре стало очевидно, не выполнила своих обязательств по Охранному договору и не оказала помощь Словакии. Более того, именно 23 марта, в день начала венгерской агрессии, Берлин объявил об Охранном договоре. В результате Германия оккупировала огромную «охранную зону» в Западной Словакии и два городских участка Братиславы: развалины замка Девин, который был великоморавской крепостью и превратился в символ Словакии, а также Предмостный район (Петржалка) — единственную словацкую территорию, лежащую на правом берегу Дуная. Немцы даже не погнушались вывезти в протекторат имущество словацкого военного склада в Халмовой при Новаках [2, dok. č. 104, s. 318].

Особняком стояла проблема Девина и Петржалки. Вопрос о принадлежности этих этнически немецких анклавов был поднят еще во второй половине ноябре 1938 г. на консультативных встречах словацких политиков Войтеха Туки (с августа 1938 г. лидер Словацкой народной партии, с октября 1938 г. глава Словацкой автономии), министра юстиции Фердинанда Дурчанского, главы общины карпатских немцев и лидера Карпатской партии Франца Кармасина с немецким функционерами во главе с одним из организаторов аншлюса Австрии Германом Герингом (с сентября 1938 г. постоянный заместитель А. Гитлера по обороне рейха), когда обсуждались границы потенциального словацкого государства. Словаки указывали тогда на символическое значение Девина в истории Словакии и на хранящиеся там национальные культурные ценности. Первоначально немцы не озвучивали категорических претензий, но 30 ноября 1938 г. Геринг сообщил о принятии решения об оккупации Девина, на три четверти заселенного немцами, однако обещал словакам, что они получат его обратно, когда станут самостоятельными [2, dok. č. 32, s. 188; dok. č. 34, s. 194—195; dok. č. 37, s. 199].

После оккупации Карпатской Украины в марте 1939 г. Венгрия сразу же поддалась соблазну вторгнуться и на территорию Восточной Словакии. Внешним толчком послужило обращение руководства провенгерской организации «Карпаторусский союз» в США. В его телеграмме предлагалось присоединить к Венгрии словацкие комитаты Унг-Земплин, Шарош и Сепеш с русинским населением. Хотя Венгрия стала первым государством, признавшим Словакию де-юре (была признана 27 странами), в Будапеште сложился план поставить всех перед свершившимся фактом, продвинув свои войска так далеко, насколько это позволят обстоятельства [3, с. 403—404]. Венгры исходили из убеждения, что арбитры в Вене легковесно отнеслись к историческому принципу определения границ, имея в виду, что «восточные границы Словакии никогда не были (в рамках административных формирований Австро-Венгрии. — *А. С.*) точно определены» [4, s. 80—81].

23—26 марта 1939 г. (в литературе и документах имеется разброс в датировке — от 23 марта до 4 апреля) прошла словацко-венгерская война. Видимо, в Берлине не были готовы к такому развитию событий, поскольку в первый же ее день рейхсминистр иностранных дел Йоахим Риббентроп вызвал Д. Стояи и указал на недопустимость венгерской акции. Однако посол, сославшись на нехватку информации, предположил, что таким образом выполняется упоминавшаяся германо-венгерская договоренность о корректировке словацко-русинского разграничения [2, dok. č. 98, s. 310]. В Будапеште вообще старались создать облегченное восприятие этой войны, которую министр иностранных дел Венгрии Иштван Чаки 24 марта квалифицировал следующим образом: «Я лишь дал указание занять стратегические пункты, имеющие важное значение для защиты железной дороги в долине реки Уж, имея в виду, что русинско-словацкая граница всегда была спорной» [5, док. 92, с. 160].

Объявление Охранного договора и для венгров стало в некотором роде неожиданностью. Они узнали об этом в Берлине — Й. Риббентроп 23 марта позвонил Д. Стояи, а после этого произошло еще несколько встреч немецких и венгерских дипломатов, что заставило последних поменять свои планы [2, dok. č. 100, s. 312]. 24 марта в Братиславу была отправлена инструкция ответственного работника секретариата Риббентропа Гюнтера Альтенбурга, одного из организаторов Судетского кризиса сентября 1938 г., курировавшего также и венгеро-словацкий территориальный конфликт. Он стремился повлиять на премьер-министра Словакии (в марте — октябре 1939 г.) Йозефа Тисо с тем, чтобы словаки прекратили контратаки и возобновили переговоры о линии границы Восточной Словакии. В инструкции напоминалось словацкой стороне, что еще 17 марта ей транслировалось немецкое пожелание не оказывать вооруженного сопротивления венгерской операции [2, dok. č. 103, s. 316—317].

Словацко-венгерская война привела к аннексии Венгрией еще 1,7 тыс. км кв. словацких земель с населением 70 тыс. чел. (из которых 38 тыс. русинов и 27 тыс. словаков). Это была 20-километровая полоса западнее р. Уж на крайнем востоке Словакии по линии Стакчин — Собранце [2, dok. č. 115, s. 337; 4, s. 81] . Жертвами конфликта стало по нескольку десятков человек с каждой стороны. Будапешт остался недоволен достигнутыми результатами войны, так как планировал более радикальные приобретения.

24 марта правитель (регент) Венгерского королевства Миклош Хорти в специальном письме поблагодарил рейхсканцлера А. Гитлера за «понимание и нейтральную позицию» Германии во время акции по исправлению «установленных Бенешем границ» [2, dok. č. 107, s. 322]. В заметках главнокомандующего сухопутными войсками вермахта Вальтера фон Браухича, сделанных на оперативном совещании в Берлине 25 марта, зафиксирована позиция Гитлера на случай раздела Словакии: восточная линия вдоль Нитры должна была стать германской границей, а Прессбург (Братислава) войти в состав рейха [2, dok. č. 111, s. 330]. Таким образом, характер и дальнейшее развитие словацко-венгерского территориального спора перешло в новый формат — межгосударственного конфликта внутри формирующегося фашистского блока с глубокой вовлеченностью Германии и Италии в его урегулирование.

И. Чаки вскоре предложил Братиславе переговоры об установлении новой границы, с чем она была вынуждена согласиться. Переговоры прошли в Будапеште 27 марта — 4 апреля 1939 г. МИД Словакии через Э. Дрюффеля обратился за дипломатической поддержкой к Германии. Однако из Берлина лишь поступило требование к венгерским дипломатам прекратить утверждать, что занятие новых словацких территорий происходило с согласия рейха [2, dok. č. 114, s. 334—335; dok. č. 115, s. 336—337; dok. č. 118, s. 342]. Оказавшись перед фактом венгерского ультимативного требования признать новую границу к 11 часам 31 марта, Братислава 30 марта вновь запросила Берлин о дипломатической помощи. Однако не получив ее и на этот раз, вынуждена была принять ультиматум и признать переход оккупированных территорий под суверенитет Венгрии. 4 апреля был подписан протокол о словацко-венгерской границе в Восточной Словакии [2, dok. č. 115, s. 337; dok. č. 121—122, s. 345—346].

И Берлин, и Рим с самого начала манипулировали «самостоятельной» Словакией в своей собственной политической игре с Венгрией и Польшей. Одно из первых проявлений такой игры иллюстрируют обстоятельства визита венгерского премьер-министра Пала Телеки и министра иностранных дел И. Чаки в Италию 18—20 апреля 1939 г. Глава итальянского правительства Бенито Муссолини поучал их, что в интересах хороших отношений с Германией венгерская политика «против Словакии должна быть терпелива и осторожна». В то же время он, имея прямое отношение к венскому арбитражу, изложение словацкой проблемы «слушал как новость — с огромным интересом» [6, IV. kapitola, dok. č. 196, s. 330]. В ходе этого визита министр иностранных дел Италии Галеаццо Чиано зафиксировал в своем кабинетном дневнике убийственную характеристику: «Чаки является тем, кем он кажется: маленьким напыщенным человечком и, что особенно ясно, очевидно физически и духовно неполноценным существом, которое стремится всегда напустить на себя героический вид». Чиано также отметил, что больше всего Чаки («этот самонадеянный тип») говорил о Словакии: «он надеется или, лучше сказать, обманывает себя надеждой, что Германия может преподнести ее, так сказать, в подарок Будапешту». По оценке Чиано эти «...более или менее бесполезные переговоры с венграми» и аргументация Чаки, которая становилась «все более многословной и пустой», позволили итальянскому руководству сделать вывод касательно словацкой проблемы. Он сводился к тому, что «Венгрия займет выжидательную позицию и не будет делать ничего противоречащего желаниям Германии» [7, с. 89—91]. Однако личная неприязнь не повлияла на реальную политику. Первый словацкий посланник в Италии Й. Зврашковец, прибывший в Рим в середине апреля, в своих отчетах постоянно отмечал благожелательное отношение итальянской дипломатии к Венгрии [8, s. 100—101].

В том же ключе действовала и Германия, также отдавая приоритет Будапешту. Речь А. Гитлера в рейхстаге 28 апреля 1939 г. содержала прямой намек на возможный раздел Словакии между Германией, Венгрией и Польшей, так как эти три соседние страны декларировались гарантами независимости словацкого государства [4, s. 119]. Заведующий восточным отделом канцелярии Риббентропа П. Клейст в беседе с немецким журналистом 2 мая 1939 г. охарактеризовал образование Словацкого государства не только как антипольскую акцию, но и как средство давления на Румынию. Он заявил: «с этой целью мы хотим ликвидировать самостоятельную Словакию, присоединив ее к Венгрии. Словакия и без того является нежизнеспособной, ее политическое руководство — неспособным. Над расширившейся за счет включения Словакии Венгрией мы хотим затем установить германский протекторат и таким образом выдвинуть наши войска к румынской границе» [9, док. 266, с. 362, 365]. В мае 1939 г. в кругах дипломатического корпуса в Будапеште циркулировали сведения о том, что Берлин позволит Венгрии аннексировать Словакию при условии прекращения венгерского сотрудничества с Польшей [6, IV. kapitola, dok. č. 202 a poznanka 225, s. 332—333]. Отметим, что слухи о перекройке границ, реальные или мнимые планы ликвидации целых государств в политическом арсенале Берлина являлись не только средством устрашения и шантажа. Характерен тезис Гитлера, высказанный им на совещании с верхушкой военного руководства 23 мая: «Определение границ — дело военной важности» [10, док. 371, с. 494].

С другой стороны, 17 июня 1939 г. на совместном заседании словацкого руководства (было представлено премьер-министром Йозефом Тисо, заместителем премьер-министра Войтехом Тукой, министром иностранных дел Фердинандом Дюрчанским, министром обороны и главкомом вооруженных сил Фердинандом Чатлошем) с германскими дипломатами и военными (главную роль среди них играл Э. Дрюффель) было решено, что Словакия прекращает всякие сношения с Польшей и «строго наблюдает за словацко-польской границей» [11, л. 490—491]. Столь абстрактная немецкая установка во многом объяснялась фразой Дрюффеля из его дипломатической корреспонденции, характеризующей работников словацкого МИДа как группу «неопытных молодых людей» [2, dok. č. 108, s. 326].

Сложилась обстановка, в которой словацкая и венгерская политические элиты на фоне взаимного недоверия и антипатии друг к другу не верили и Германии, а также опасались ее усиления. В июле 1939 г., когда Берлин еще не закрепил свое доминирование в Центральной Европе, Й. Тисо предлагал Будапешту проводить совместную политику, нацеленную против роста влияния Германии в регионе, но даже не получил ответа [12, с. 234—235].

Тогда же (после 16 июля 1939 г.) венгерский представитель сообщал из Рима, что рост словацкого ирредентизма, причем направленного не только на арбитражные земли, но и на собственно венгерские территории (Вац, Эстергом), происходит «по прямой инструкции Риббентропа». Из чего делался вывод: «не исключена силовая акция Словакии против Венгрии, возможно с тихой военной поддержкой Германии» [6, IV. kapitola, dok. č. 232, s. 343—344]. Однако в глазах Венгрии Берлин всячески отрицал свою активность в Словакии. Так, принимая И. Чаки в Бергхофе 8 августа 1939 г., А. Гитлер заявил, что не имеет «никаких жизненных интересов на восток от Карпат... Словакия важна с военной точки зрения, из-за Польши. В другом случае судьба Словакии ему полностью безразлична». Однако вскоре после этого венгерский Генштаб обратил внимание на словацкую пропаганду, утверждавшую, что Братислава получила от Германии обещание «на коррекцию южной границы прямо до Ваца» [6, IV. kapitola, dok. č. 245, s. 347; dok. č. 247, s. 347].

В трофейной переписке отдела разведки и контрразведки Верховного командования вермахта и МИДа Германии (из захваченных в 1945 г. НКВД СССР немецких дипломатических документов, предназначенных для Нюрнбергского процесса) имеется запись от 12 августа 1939 г. об отношениях со Словакией. В ней отмечалось, что возможна ситуация, в которой Словакия будет использована германскими вооруженными силами в качестве «плацдарма или даже оперативного района». Причем информировать словацкое правительство о подобных планах «по причине военной тайны» не рекомендовалось: «Ему будет сказано об этом также и по внешнеполитическим соображениям, только в последний час» [11, л. 138].

Реальные события развивались именно по такому сценарию. 12 августа 1939 г. был подписан германо-словацкий договор о защитной зоне, по которому Германия брала на себя полную военную защиту Словакии [2, dok. č. 198, s. 562—566]. Это означало для Венгрии окончательную утрату шансов на присоединение словацких земель. Словакию же этот договор ставил под полный внешнеполитический контроль Берлина. 24 августа ей в ультимативной форме было предложено участвовать вместе с Германией в нападении на Польшу, за что Братиславе была обещана гарантия ее южных границ с Венгрией [2, dok. č. 209, s. 590].

1 сентября 1939 г. словацкая полевая армия «Бернолак» в составе трех дивизий (около 50 тыс. чел.) вторглась вместе с германской военной армадой на территорию Польши, приняв участие в развязывании Второй мировой войны. В итоге Словакия возвратила свои территории, отошедшие к Польше в 1920, 1924 и 1938 гг., общей площадью около 600 кв. км с населением 45 тыс. чел. [13, с. 206—207] 21 ноября 1939 г. был заключен германо-словацкий договор о реституции этих территорий, подписанный президентом Словакии (с 26 октября 1939 г.) Й. Тисо и «государственным президентом» Протектората Чехии и Моравии Эмилем Гахой [2, dok. č. 251, s. 684—685; 6, IV. kapitola, dok. č. 318, s. 368].

В условиях германо-польской военной кампании, открывшей Вторую мировую войну, Словакия и Венгрия фактически оказались по разным сторонам фронта. Словакия, юридически признанная Польшей, объявила ей войну и приняла участие в боях против Войска Польского. Венгрия же сохраняла благожелательный нейтралитет, разместила у себя часть отступившей польской армии, в Будапеште до 1941 г. действовало польское посольство.

Осенью 1939 г. возродилась идея создания Словацко-Украинского государства под эгидой Германии (впервые аморфные немецкие проекты образования самостоятельной Словакии, которая включала бы Подкарпатскую Русь, появились еще осенью 1938 г.). В окружении Августина Волошина (14 марта 1939 г. он провозгласил в Хусте «независимость» Карпатской

Украины и 15—18 марта был ее президентом), эмигрировавшего после венгерской оккупации края в протекторат, появился «Меморандум о присоединении Карпатской Украины к Словакии». В документе излагались пагубные последствия венгерской оккупации и насильственной мадьяризации края. 30 ноября 1939 г. он был направлен Й. Риббентропу, а также премьер-министру Словакии (с 27 октября 1939 г.) В. Туке. Официальная Братислава начала робкие переговоры, но Берлин даже не отреагировал на меморандум, так как вынашивал собственные планы создания «Великой Украины» [14, с. 13—14, 171].

Словацко-венгерские отношения в ходе мировой войны не были нормальными, особенно в начальный ее период. В Словакии распространились слухи, что после Яворина (отошел к Польше в 1938 г., но был возвращен в сентябре 1939 г.) придет очередь Кошиц, Лученца, Комятиц, Шуран, полученных Венгрией по арбитражу [6, IV. kapitola, dok. č. 270, s. 354]. В октябре 1939 г. Словакия стремилась возвратить прилегающую к ее южной границе венгерскую полосу, где проживало (по завышенным оценкам) около 600 тыс. словаков [15, док. 712, с. 210]. Венгрия же рассматривала всю территорию Словакии как подлежащую присоединению. Это следовало из Меморандума ревизионистских пожеланий Венгрии, представленного в июле 1940 г. венгерским Генштабом в МИД. В нем значилось, что «отделившаяся Словакия вообще не способна к существованию... При первом же упорядочении Европы разделенные долины среднего Дуная должны снова объединиться» [6, V. kapitola, dok. č. 37, s. 387].

Германия использовала в своих интересах словацко-венгерские противоречия, делая объектом торга и шантажа территориальный вопрос. Весной — летом 1939 г. и весной 1940 г. активно циркулировали инспирированные Берлином слухи о ликвидации Словакии путем присоединения ее к Венгрии. Однако результат оказался неожиданным. В Словакии возросли русофильские настроения, а также появились надежды словаков на помощь СССР в их территориальных претензиях к Венгрии. Эти надежды особенно усилились в связи с походом Красной Армии в западные районы Украины и Беларуси. Они вновь оживились в июне 1940 г. в связи с советским ультиматумом Румынии, завершившимся присоединением к СССР не только по праву принадлежавшей ему Бессарабии, но и никогда не входившей даже в состав царской России Северной Буковины. Причем реализация идеи возврата с помощью СССР словацких территорий, захваченных Венгрией в ноябре 1938 г. и марте 1939 г., подкреплялась возможностью и даже желательностью присоединения к Советскому Союзу оккупированного Венгрией словацкого Закарпатья. Это создало бы советско-словацкую границу и позволило бы обрести мощного соседа, интересы которого в Словакии могли уравновешивать немецкие и венгерские интересы [13, с. 202, 205—207, 213, 218]. Учитывая данные тенденции, германский МИД (Аусамт) направил 8 мая 1940 г. словацким коллегам сообщение о том, что государственный секретарь Э. Вайцзеккер на встрече с венгерским посланником указал Будапешту на необходимость прекращения антисловацких выпадов и заявил о неизменности германской роли покровителя Словацкого государства [4, s. 82].

Третий рейх все более превращал Словакию в плацдарм для реализации собственных планов в регионе. В конце июля 1940 г. во время встречи в Бергхофе словацкого руководства — Й. Тисо и В. Туки — с А. Гитлером последнему были вручены три карты, обозначающие места проживания словаков в Венгрии. Однако отреагировал на ситуацию присутствовавший Й. Риббентроп. Он заявил, что проблема не является в данный момент актуальной, но допустил обращение к ней в будущем [2, dok. č. 327, s. 890]. Накануне Второго Венского арбитража словаки вновь попытались поднять данную тему, мотивируя это тем, что Венгрия получит в качестве компенсации ряд румынских территорий. 28 августа в Берлин была направлена вербальная нота, в которой содержались подробные сведения о населенных словаками районах Венгрии и высказывалось смелое предложение о территориальном обмене с целью вернуть утраченные этнические словацкие земли. Братислава рассчитывала вернуть 3,6 тыс. км кв. с населением 352 тыс. чел. (из них 208 тыс. словаков и 86 тыс. венгров). Однако немецкие дипло-

маты отказали словакам даже в постановке данного вопроса на предстоящем венгеро-румынском арбитраже в Вене [2, dok. č. 339, s. 920—922; dok. č. 340, s. 923—924].

Тем не менее в сентябре 1940 г. словацкая дипломатия дерзнула поставить перед Берлином проблему возвращения части южноморавских словацких земель, входивших в Протекторат Богемии и Моравии, присовокупив к этому и старый вопрос о Девине и Петржалке. Й. Риббентроп в ответ на это прочитал словацкому посланнику в Берлине Матюшу Чернаку целую нотацию, заявив, что «стопроцентное решение национальных вопросов в пространстве Юго-Восточной Европы является невозможным, и Братиславе лучше бы отказаться от планов подобной ревизии» [2, pozn. č. 2883, s. 1051].

При этом в конце 1940 г. в венгерском парламенте имели место выступления с требованием присоединить хотя бы часть Словакии — Пряшевщину (Пряшевскую Русь) с населением 285 тыс. чел., которых венгры считали «закарпаторусами» (русинами), а не словаками. Вместе с тем в документе советского постпредства в Будапеште отмечалось, что 90 тыс. венгров, оставшихся в Словакии, имеют свою политическую организацию. Венгрия же не разрешила создание у себя аналогичной организации для почти 600 тыс. словаков, организовав подставную христианско-словацкую партию с марионеточным руководством [16, л. 46—47].

5—6 сентября 1940 г. (вскоре после Второго Венского арбитража от 30 августа, по которому Румыния уступила Венгрии Северную Трансильванию) в Бухаресте разразился политический кризис. Он привел к формированию нового правительства Иона Антонеску, объявившего себя кондукэтором (вождем), и провозглашению королем Михая I. Главным направлением реванша за «национальную катастрофу 1940 г.» для Бухареста была Венгрия, Словакия же воспринималась в этом реванше как естественный союзник. Однако интересы расширения и консолидации фашистской «оси» имели приоритетное значение. Поэтому 24 ноября 1940 г. Словакия и Венгрия (одновременно с Румынией) присоединились к Тройственному пакту. При этом Германия в своей политике в Карпатско-Дунайском регионе (как в значительной мере и СССР) делала ставку на развитие отношений именно с Венгрией, что не давало возможности реализоваться словацким ревизионистским планам.

Словацко-венгерские противоречия в формате фашистской «оси» (ноябрь 1940 — май 1945 г.). Сразу после присоединения к «оси» — 26 ноября 1940 г. — Словакия с надеждой подняла перед немцами проблему словацкого меньшинства в Венгрии, а также выразила озабоченность национальной политикой Будапешта в Карпатской Руси. Однако обращение было безрезультатным [2, dok. č. 360, s. 978]. Вскоре в интригу включилась Румыния.

На рубеже 1940—1941 гг. Румыния предприняла первые попытки втянуть Словакию в свою антивенгерскую политику. Румынский министр иностранных дел Михай Антонеску (однофамилец премьера) на встрече со словацким посланником Иваном Милецом в январе 1941 г. заявил об общих интересах их стран в отношении Венгрии. Однако Братислава сочло ситуацию неблагоприятной для начала борьбы за возврат утраченных земель [17, с. 124].

Что касается Венгрии, то она вскоре также ощутила жесткие объятия «оси». Пал Телеки, здравомыслящий и опытный политик, в третий раз ставший в январе 1939 г. премьер-министром Венгрии, в марте 1940 г. получил из Берлина требование передать под германское управление всю железнодорожную сеть страны в случае войны на Балканах, а также осуществить поставки в Германию такого количества продовольствия, которое превышало весь продовольственный экспорт Венгрии во все страны. Потрясенный Телеки ответил, что правительство не в состоянии собрать такое количество продуктов, на что поступило предложение допустить «для реквизиций немецкую дивизию без оружия». И. М. Майский зафиксировал 10 апреля 1940 г. в дневнике мнение: «Сейчас немцы ведут кампанию против Телеки и метят на его место более подходящего для них Чаки (нынешний МИД)» [18, с. 158].

Год спустя, обогатившись опытом общения с германским партнером, П. Телеки составил записку от 3 марта 1941 г. о будущей внешней политике страны в условиях разгоревшейся

мировой войны. Он был убежден: Венгрии «во что бы то ни стало следует оставаться в стороне от конфликта. Исход войны сомнителен... В случае поражения Германии... вся Европа или ее восточная часть придет в хаотическое состояние». Перечисляя в этой связи ряд опасностей для Венгрии, Телеки провидчески упомянул и словацкую опасность, оговариваясь, что пока «...словаки несравненно слабее нас, но если бы мы оказались совершенно безоружными и беззащитными, то с этой опасностью также пришлось бы считаться» [5, док. 126, с. 228]. 3 апреля 1941 г. П. Телеки покончил с собой, осознав свое политическое банкротство и будучи не в силах противодействовать готовящемуся венгерскому нападению на Югославию.

В апреле 1941 г. Венгрия стала участником фашистской агрессии против Югославии. Будапешт, как следует из венгерских дипломатических документов 10—13 апреля, предвидел, что «на бывших венгерских территориях», которые «сербы в 1918 г. без боев оккупировали... возникнет вакуум». Как следствие, венгры заняли часть Воеводины («венгерскую» часть Бачки в междуречье Тисы и Дуная), Прекмурье (словенскую область за р. Мурой) и Меджумурье (северо-хорватский регион в междуречье Дравы и Муры). К 17 апреля даже созрели надежды на решение, «при котором Фиуме (хорв. — Риека, до 1918 г. город-порт в Венгерском Поморье, дававший выход в Адриатику. — *А. С.*) и Сушак (город-спутник Риеки. — *А. С.*) могли бы составлять венгерскую территорию» [5, док. 135—137, с. 242—243].

Словакия, напавшая в свое время вместе с Германией на Польшу, на этот раз заявила о своей «нейтральности». Тем не менее, опасаясь враждебных действий усилившейся Венгрии, Братислава 15 апреля вновь подняла перед Берлином проблему словацкого меньшинства в Венгрии. Предусмотрительный Й. Риббентроп дал инструкции немецкому посольству о нецелесообразности коррекции словацких границ [2, pozn. č. 2883, s. 1051]. Однако В. Тука, проявивший настойчивость, подготовил меморандум для Риббентропа, в котором вновь повторялись надежды на вхождение в состав Словакии Девина, Петржалки и части южноморавских земель в качестве компенсации за потери по итогам Первого Венского арбитража. Тука провел дипломатический зондаж, однако немецкий представитель посоветовал ему воздержаться от подобных инициатив ввиду неизменной позиции Берлина в этом вопросе (по крайней мере, нет свидетельств, что этот документ был вручен Риббентропу) [2, dok. č. 384 a pozn. č. 2885, s. 1050—1051]. В разговоре с Риббентропом 16 апреля Тука не преминул упомянуть, что после новых территориальных присоединений Будапешта лучшим средством для улучшения отношений между двумя союзниками рейха будет изменение словацко-венгерской границы [2, dok. č. 385, s.1052—1053]. Ответ Риббентропа, сформулированный 26 апреля, решительно исключал такую возможность, как ведущую к новому витку обострения территориальных споров между союзниками [2, dok. č. 388, s. 1060—1061].

Венгрия в свою очередь стремилась не упустить шанс для границ. Венгерский военный атташе в Берлине Шандор Хомлок 20 июня 1941 г. доносил начальнику Генштаба Хенрику Верту о скором начале советско-германской войны. Он считал участие Венгрии в этой войне необходимым для того, чтобы «занять новые территории к северу от Карпат (к северу от венгерских предгорий Карпат лежит Словакия. — *А. С.*), с тем чтобы, обладая ими, можно было вести переговоры об удовлетворении прочих наших требований». Хомлок опасался, что, упустив случай, венгры могут оказаться «безучастными наблюдателями образования общей германо-румынской границы (в то время между Германией, поглотившей Австрию и Чехию, и Румынией располагались именно Словакия и Венгрия. — *А. С.*)» [5, док. 142, с. 257].

23 июня 1941 г. Словакия присоединилась к войне Германии против СССР, направив на восточный фронт 50-тысячный армейский корпус. Однако уже в конце июля он был реорганизован в две дивизии, а большая часть солдат вернулась в Словакию. С декабря 1941 г. состав словацких войск на восточном фронте не превышал 19 тыс. чел. [19, s. 193].

Венгрия вступила в войну против Советского Союза 27 июня 1941 г., но от отправки своих войск на восток уклонилась. Одной из причин этого был назван словацкий ревизионизм, в

условиях которого Венгрия «не может распылять свои военные силы». Дело в том, что В. Тука предложил создать комиссию для окончательного определения словацко-венгерской границы и заявил, что по окончании войны Словакия «выставит против Венгрии требование ревизии» [6, dodatky, dok. č. 3, s. 409]. В тот же день 27 июня Д. Стояи писал из Берлина премьер-министру (с апреля 1941 г.) и министру иностранных дел (с февраля 1941 г.) Ласло Бардошши, что «борьба против Советов постепенно выливается в крестовый поход... и особенно это подчеркивается словаками и венграми». Поэтому посланник предлагал направить на Восточный фронт «по крайней мере отдельные части венгерской армии», пугая тем, что «в противном случае румыны и словаки при переустройстве Европы приобретут преимущества за наш счет» [5, док. 144, с. 261]. В новом письме премьеру 2 июля Стояи видел угрозу в том, что «Румыния и Словакия могут настолько оказаться объектом интереса и симпатий с германской стороны, что мы потеряем преимущество, которым до сих пор располагали по сравнению с ними в Центральной Европе как первый друг Германии» [5, док. 150, с. 271]. Эти резоны заставляли Будапешт все глубже втягиваться в пучину немецкой войны на Востоке.

В новой геополитической обстановке венгерское руководство во второй половине 1941 г. сделало ряд важных заявлений — Л. Бардошши о возобновлении Венгрией исторической миссии защитника порядка на Карпатах, М. Хорти в ходе визита к Гитлеру о главенстве Венгрии на Дунае («единственная сильная и заслуживающая доверия страна» в регионе). Тем самым венгры фактически оспаривали право на существование Словакии, Независимого государства Хорватии (НГХ) и Румынии, бросали вызов принципам национал-социализма [17, с. 124—125]. Неудивительно, что эти страны стали искать возможности для ответных ходов. Например, все беседы лета — осени 1941 г. послов трех упомянутых стран в Риме сводились к обсуждению венгерского экспансионизма, в ответ на что венгры в разговорах с итальянскими дипломатами не упускали возможности выразить беспокойство по поводу возможной реанимации «новой Малой Антанты» [8, s. 86—88, 135—136].

Германия продолжила манипуляции судьбой Словакии. Принимая 26—27 ноября 1941 г. в Берлине поочередно словацкого и венгерского премьеров В. Туку и Л. Бардошши, Й. Риббентроп обсуждал с каждым из них проблемы словацко-венгерской границы, намекая на германское покровительство. Некоторым результатом берлинской встречи двух премьеров стала регистрация ранее запрещенных политических и культурных организаций словацкого и венгерского меньшинств. Однако уже в ходе своего визита в Будапешт в январе 1942 г. Риббентроп обещал венграм, что «после окончания русской войны Словакия будет присоединена к Венгрии» [6, V. kapitola, dok. č. 51 a poznanka 55, s. 394; dodatky, dok. č. 9, s. 411].

Подобная политика Берлина и Будапешта привела к тому, что внутри фашистской «оси» начали блокироваться страны, противостоящие венгерскому ревизионизму. «Наследники» прежней Малой Антанты в лице Словакии, НГХ и Румынии стремились восстановить подобие межвоенного антивенгерского союза. Их трехсторонние контакты осуществлялись в три этапа. Первый (лето 1941 — начало 1942 г.) характеризовался поиском путей политического единства, маскируемого экономическим и культурным сотрудничеством. Он был свернут после вмешательства Германии, которая отказывалась поднимать вопрос о границах внутри «оси» до окончания войны и вообще отрицательно относилась к подобной форме регионального блокирования. Второй этап (начало 1942 — середина 1943 г.) был представлен главным образом сотрудничеством Румынии и Хорватии. Однако разработанный ими словацко-румынский план «блицкрига» против Венгрии не получил шансов на реализацию из-за вмешательства Италии, которая традиционно рассматривала Венгрию как регионального лидера и стремилась контролировать Хорватию. В словацко-венгерских отношениях наступило относительное ослабление напряженности. На третьем этапе (осень 1943 — лето 1944 г.) сотрудничество между тремя странами вошло в стадию противоречий и отношения между партнерами охладились, что было вызвано крахом Италии и изменением хода войны в Европе. Все это не

позволило так называемой «второй Малой Антанте» приобрести черты реального блока. Политика трех сателлитов никогда не была направлена против «оси», не носила наступательного характера и могла создать угрозу военного окружения Венгрии [17, с. 127].

Сталинградская битва, положившая начало коренному перелому в ходе Второй мировой войны, привела в январе 1943 г. и Венгрию, и Словакию к катастрофическим военно-политическим последствиям. 2-я венгерская армия общей численностью 250 тыс. военнослужащих (восемь дивизий) в последней фазе битвы потеряла под Воронежем около половины своего состава и почти всю технику. «Воронежское бедствие» (по венгерской фразеологии) оказало сокрушительное воздействие на все общество и руководство страны [20, с. 200—201]. В свою очередь, 1-я словацкая моторизованная дивизия («Быстрая дивизия», около 8 тыс. чел., действовала в составе вермахта), прикрывавшая отход немцев с Северного Кавказа, была окружена и фактически разбита у станицы Саратовской под Краснодаром. Жалкие остатки дивизии вырвались из кольца, бросив всю материальную часть [19, s. 199—201].

Выдвинулась задача поиска путей выхода из войны на стороне Германии. Будапешт предпринял в Словакии в марте — июне 1943 г. первый зондаж о совместной антигерманской переориентации. Миклош Каллаи (премьер-министр Венгрии в марте 1942 — марте 1944 г., а также министр иностранных дел до июля 1943 г.), который уже вел секретные переговоры с англо-американцами о выходе из войны, 19 марта 1943 г. инициировал встречи со словацким посланником в Будапеште Яном Спишиаком. Однако того больше беспокоила словацкая принадлежность Кошице и суверенитет Словакии ввиду угрозы великовенгерской идеи. Продолжая контакты, 24 марта Каллаи сообщил Спишиаку, что в случае германо-венгерского столкновения он ожидает перехода Словакии на сторону Венгрии. Словацкий посланник в ответ лишь предложил закрыть издающуюся в Венгрии газету Naša zastava. Она являлась рупором так называемого «словяцкого» движения, считавшего население Восточной Словакии отдельным от словаков этносом, и воспринималась словаками как один из инструментов пропаганды венгерского ревизионизма. Имели место и другие неофициальные контакты [12, с. 237—238]. Обо всех этих словацко-венгерских переговорах за спиной Германии стало известно в Берлине. 22 апреля Й. Тисо встретился в Зальцбурге с А. Гитлером, который резко осудил политику Каллаи и допустил после окончания войны совместные словацко-румынские военные действия против Венгрии. Однако, несмотря на нерешительность Братиславы, ее оглядки на Берлин и его окрики, словацко-венгерский диалог продолжался [4, s. 82].

На фоне начавшегося летом 1943 г. распада оси Рим — Берлин возросла политическая активность обоих дунайских государств, усиливавшая противоречия между ними. Братислава развернула пропаганду идеи «Великой Словакии» как преемницы Великоморавского княжества конца IX в., которая должна объединить все этнические словацкие земли, включая территории в Моравии и Венгрии. Кроме того, словацкая сторона хотела коррекции границы с Венгрией, исходя из этнического принципа, что разрушало конфигурацию Первого Венского арбитража. Будапешт, продолжая политический флирт с союзниками по антигитлеровской коалиции, тоже изложил свой взгляд на будущее Словакии. Так, 23 августа 1943 г. М. Каллаи отправил союзникам условия вывода Венгрии из войны («Меморандум Сегеди-Масака»). В документе утверждалось, что федеративные узы должны связать Словакию с Венгрией, а не с Чехией. Решения Первого Венского арбитража признавались справедливыми. Более того, словацко-венгерскую границу предлагалось перенести еще на север и провести по линии Словацкого Рудогорья [12, с. 239—240].

Венгерские дипломаты пытались наладить контакты и с представителями эмигрантского правительства Э. Бенеша в Лондоне. В январе — марте 1944 г. между ними прошло несколько встреч в Берне. Чехословацкая сторона при условии признания Будапештом домюнхенской унитарной Чехословакии соглашалась передать Венгрии Житный остров. Венгры же настаивали на признании границ Первого Венского арбитража, а также считали, что Словакии

должен быть предоставлен автономный статус в составе ЧСР. Разрыв в позициях сторон не мог привести к соглашению [12, с. 241].

Германия, пресекая попытки Венгрии выйти из войны, осуществила 19 марта 1944 г. ее оккупацию. М. Хорти, оставшийся регентом, дал согласие на смену кабинета, который возглавил прогерманский политик Дёме Стояи. Подлинным же властителем Венгрии стал имперский представитель с неограниченными полномочиями диктатора Эдмунд Веезенмайер. Уже 25 марта он сообщал Й. Риббентропу о сильной обеспокоенности Стояи сведениями касательно получения словаками Верхней Венгрии, ожидающегося вступления войск НГХ в Междумурье и возвращения Румынии Северной Трансильвании [6, dodatky, dok. č. 19, s. 418]. В Словакии действительно были разочарованы тем, что смещение М. Каллаи не привело к ревизии словацко-венгерской границы. Однако словацкие (равно как и румынские) войска никакого участия в оккупации Венгрии не приняли.

Министр обороны Словакии Ф. Чатлош планировал с приближением фронта переход на сторону союзников. В его письме, переданном советскому Генштабу в августе 1944 г., даже предлагался план государственного переворота силами военных. Словакия в результате должна была выйти из состояния войны с СССР и объявить войну Венгрии [21, раздел «Чехословакия», док. 1, с. 481]. Однако эти планы рухнули. Поражение Словацкого национального восстания осенью 1944 г. привело к полной оккупации Словакии германскими войсками.

Венгерский регент М. Хорти, стремясь спасти свою страну от краха, объявил 15 октября 1944 г. о выходе из войны и заключении предварительного перемирия с союзниками. Однако уже на следующий день был совершен государственный переворот и главой государства стал лидер профашистской партии «Скрещенные стрелы» Ференц Салаши. Таким образом, и Венгрия, и Словакия фактически оказались под прямым контролем Германии вплоть до окончательного вытеснения вермахта в апреле 1945 г. Это лишило их возможности проводить независимую дипломатию и бороться за реализацию взаимных территориальных претензий.

Формирование представлений о послевоенной чехословацко-венгерской границе в СССР, Великобритании и чехословацком эмигрантском правительстве (март 1939 г. — июнь 1941 г.). СССР оказался единственной страной, резко осудившей ликвидацию Чехо-Словацкой республики (Ч-СР). В советской ноте от 18 марта 1939 г. отвергались «политико-исторические концепции» Берлина, а его действия по оккупации Чехии, а также изменению статуса Словакии в духе ее подчинения Германии признавались «произвольными, насильственными, агрессивными», к тому же послужившими «сигналом к грубому вторжению венгерских войск в Карпатскую Русь» [22, док. 442, с. 607—608]. Правда, имела место и оценка для внутреннего пользования. Уже 23 марта М. М. Литвинов пишет И. В. Сталину: «Хотя мы заявили, что не признаем законности аннексии Чехословакии, нам все же де-факто придется ее признавать и сноситься по чешским делам с германскими властями» [23, док. 168, с. 220].

22 мая 1939 г. И. М. Майский, председательствовавший на заседании Совета Лиги Наций, попытался внести в повестку дня не только вопрос об итальянской агрессии против Албании, но и огласить телеграмму Э. Бенеша (был на тот момент частным лицом) из Чикаго, в которой он протестовал против аннексии Чехо-Словакии. Ситуация вызвала буквально истерическую реакцию генерального секретаря Лиги Наций Жозефа Авеноля. Майский отметил в дневнике: «...телеграмма Бенеша стала ему совсем поперек горла». Налившись краской, Авеноль злобно перебивал Майского, остальные члены Совета «сидели, как идолы, уткнув носы в бумаги, точно не замечая ничего происходящего» [24, с. 398—400]. Конфликт нашел отражение в рапорте чехословацкого представителя в Лиге Наций Яромира Копецкого. 29 мая Майский смог обойти процедурные препятствия и довел телеграмму Бенеша до сведения Ассамблеи [25, dok. č. 37 a pozn. 3, s. 113—114].

С началом Второй мировой войны проблема возврата утраченных Словакией в пользу Венгрии территорий отодвинулась на политическую периферию и перешла в плоскость отно-

шений чехословацкой эмиграции под руководством Э. Бенеша с западными странами. Причем именно его политические взгляды и личные настроения сильно повлияли на способ решения этой проблемы. Их истоки обнаруживаются еще в документах той поры, когда Бенеш эмигрировал после Мюнхена в Великобританию, а затем в США, где в феврале — июле 1939 г. работал профессором Чикагского университета. Сразу после ликвидации Чехо-Словакии Бенеш направил 16 марта 1939 г. телеграммы протеста Ф. Рузвельту, Н. Чемберлену, Э. Даладье и М. М. Литвинову [25, dok. č. 1, s. 51—52]. 13 мая он послал упомянутую телеграмму протеста в Лигу Наций и сообщал о ее содержании в письме новым главам внешнеполитических ведомств Франции, Великобритании и СССР — Ж. Бонне, Э. Галифаксу и В. М. Молотову. В ней выражается еще один протест — против оккупации Венгрией части Словакии и Подкарпатской Украины [25, dok. č. 30, s. 95]. Уже в этих документах Бенешем были сформулированы принципы непрерывности (континуитета) правового существования чехословацкого [1] государства и непризнания Мюнхенского соглашения. Вскоре Бенеш разработал проект манифеста «В бой за свободную Чехословакию в свободной Европе» от 12 апреля 1939 г. Дважды в разных разделах проекта он призывал на этот бой всех чехов и словаков, вместе с которыми должны идти «судетские демократы-немцы и карпаторусы», венгерское же меньшинство первой республики оказалось обойдено полным молчанием, будто его и не существовало. Что касалось соседней Венгрии, то Бенеш не забыл нанесенной травмы: «...венгры, которые раньше жаловались на национальную несправедливость, в нарушение этих принципов насильно забрали часть Словакии и Подкарпатской Руси в минуты, когда мы не могли защищаться» [25, dok. č. 18, s. 76—79]. В меморандуме Бенеша советскому правительству от 1 июня вновь подчеркивалось, что венгерская оккупация части Словакии не имеет юридической силы [26, dok. č. 12. s. 59].

После Мюнхена в СССР, безусловно, рассматривали Э. Бенеша как виднейшего политического представителя Чехо-Словакии за границей. Возвратившись в Европу из США, Бенеш установил контакт с И. М. Майским и 23 августа 1939 г. (в день подписания советско-германского пакта о ненападении!) в Лондоне состоялась их встреча. Майский выделил настроение собеседника: «Вся его ставка — на войну, на большую европейскую войну в ближайшем времени. Только такая война может привести к освобождению ЧС» [24, с. 439]. Осенью 1939 г. состоялось еще несколько встреч Майского с Бенешем, последняя — 21 ноября. После чего официальные советские контакты с чехословацкой политической эмиграцией на Западе прервались. Однако именно на этой последней встрече Майский определил подоплеку неприязни Парижа к Бенешу. Премьер-министр Франции Эдуард Даладье ратовал за расчленение Германии (что Бенеш, как записал Майский в своем дневнике, «считает нелепостью») и воссоздание после войны Австро-Венгерской монархии с Отто Габсбургом во главе в составе Австрии, Баварии, Венгрии и Чехословакии. Майский сделал вывод: «Ясно, что при таких установках Даладье с Бенешем не по пути» [18, с. 65].

Советско-германское сближение в августе — сентябре 1939 г. было ознаменовано новым советским курсом и в «чехо-словацком вопросе». До этого СССР не признавал ликвидации Ч-СР и создания самостоятельной Словакии, а в Москве функционировало чехо-словацкое посольство во главе со Зденеком Фирлингером. Однако 16 сентября 1939 г. были установлены советско-словацкие дипломатические отношения, причем Москва держала это решение в тайне до конца года, так как фактически оно означало отказ от негативной оценки расчленения Ч-СР, сформулированной в известной ноте от 18 марта 1939 г. Поэтому только 1 декабря было принято решение об открытии советского полпредства в Словакии (полпред Г. М. Пуш-

[1] Чехословацкий президент в эмиграции Э. Бенеш не признавал названия «Чехо-Словакия» и на протяжении всей войны продолжал пользоваться термином «Чехословакия, ЧСР». Эти же названия употреблялись во всех советских документах после 22 июня 1941 г.

кин появился в Братиславе 2 февраля 1940 г.). 11 декабря 1939 г. словацкий посланник Франтишек Тисо прибыл в Москву (занимал пост до апреля 1941 г.), а 14 декабря здесь было ликвидировано чехо-словацкое посольство. В то же время в Праге до 22 июня 1941 г. продолжали функционировать, находясь в процессе реорганизации, официальные советские представительские органы, что означало признание де-факто Протектората Богемия и Моравия [27, с. 72—76, 298—302]. Как записал в дневнике И. М. Майский 20 января 1940 г.: «Положение Бенеша довольно затруднительное». После признания Словакии Советским Союзом и лишения Фирлингера официального положения (ему разрешили остаться в Москве в качестве частного лица) политика балансирования между «англо-французами» и СССР для Бенеша очень усложнилась, и он «боится, что будет “съеден” Англией и Францией» [18, с. 107]. Даже спустя месяцы Бенеш с досадой заметил в беседе с корреспондентом ТАСС в Лондоне: «признание Словакии было горьким разочарованием для многих» [18, с. 260—261].

В СССР продолжала работать чехословацкая коммунистическая эмиграция. Резкая смена советского курса и сближение с Германией изменили политическую линию Коминтерна. 7 сентября 1939 г. И. В. Сталин в беседе с В. М. Молотовым, А. А. Ждановым и Г. Димитровым изложил взгляды на начавшуюся мировую войну: «Война идет между двумя группами капиталистических стран за передел мира... Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались» [28, док. 495, с. 779—780]. По итогам беседы секретариат ИККИ издал 8 сентября директиву об отношении к войне. В ней отмечалось: «Компартии боролись против мюнхенцев, ибо хотели подлинный антифашистский фронт с участием СССР.. Война коренным образом изменила положение: деление капиталистических государств на фашистские и демократические теперь потеряло прежний смысл» [29, док. 9, с. 89]. В новых условиях секретариат ИККИ 8 марта 1940 г. утвердил директивы для компартии Чехословакии, резко поменяв довоенные установки: «Под лозунгом “восстановления Чехословакии” скрываются теперь империалистические и антисоветские планы... У чехов мы боремся за восстановление национальной и государственной свободы. У словаков мы боремся за полный суверенитет нынешнего словацкого государства... Сепаратизм играет теперь иную роль. Поэтому надо отказаться от старых лозунгов в отношении Словакии... Термин “Чехо-Словакия” следует понимать в этнографическом смысле...» [29, док. 65, с. 278]. Известная деликатность официальной дипломатии в коминтерновских документах отбрасывалась.

20 августа 1940 г. была принята резолюция ИККИ «О положении в Венгрии и задачах КПВ». В ней, в частности, отмечалось, что «нынешняя концентрация усилий Венгрии на присоединении части Семиградья [Северной Трансильвании, полученной Венгрией от Румынии по условиям второго Венского арбитража 30 августа 1940 г. — *А. С.*] отнюдь не означает окончательного отказа от восстановления старых венгерских границ (с включением всего Семиградья, Словакии и частей Югославии, раньше принадлежавших Венгрии)». В документе особо подчеркивалось: «Пример Верхней Венгрии [Южной Словакии. — *А. С.*] доказывает, что положение как венгерских, так и невенгерских трудящихся после их “освобождения” стало гораздо хуже». При этом подчеркивалось, что венгерское население в Словакии составляет «ничтожное меньшинство» [29, док. 115, с. 411—412]. В новых директивах для компартии Чехословакии от 28 декабря 1940 г. предлагалось организовывать массовое сопротивление оккупантам, «не щадя Бенеша» [29, док. 135, с. 466].

Во второй половине 1940 — первой половине 1941 г. втайне и от Лондона, и от Берлина имели место контакты между чехословацкой и советской разведками, которые в предвоенные годы были одними из лучших в мире. Первое распоряжение Э. Бенеша движению Сопротивления установить такой контакт было сделано 19 июля 1940 г., после чего встречи представителей разведок продолжались до конца мая 1941 г. [26, dok. č. 55, s. 145—146; dok. č. 67, s. 166; dok. č. 70, s. 169—172; dok. č. 73, s. 178—180; dok. č. 82, s. 190—191]. Разведслужбы в этих

условиях выполняли не только свои основные функции, но и играли политико-дипломатическую роль. Впоследствии это подготовило быстрое налаживание советско-чехословацкого сотрудничества после нападения Германии на СССР [подробнее см. 27, с. 262—291].

В результате длительных переговоров с английскими властями (и уже после того, как премьер-министром в мае 1940 г. стал У. Черчилль, а Франция в июне пала) Э. Бенеш 9 июля 1940 г. добился согласия на создание в Лондоне Временного чехословацкого правительства, возглавив его в ранге президента [30, dok. č. 15—16, s. 68—73]. Однако ему уже в июле стало ясно, что британские политики не желают брать на себя обязательств о послевоенных границах Чехословакии и проявляют сдержанность касательно континуитета республики, что вновь заставило его акцентировать вывод: «Мюнхен не существует» [30, dok. č. 18, s. 75].

Продолжая строительство чехословацкой власти в эмиграции, президент Э. Бенеш конституционным декретом № 2 от 15 октября 1940 г. возложил на себя временное исполнение законодательных функций [31, dok. č. 2, s. 93—94]. Руководство Форин офис в октябре 1940 г. заинтересованно анализировало планы Бенеша по восстановлению Чехословакии и реконструкции всей Центральной Европы после войны. Особо выделялось его мнение о том, что «Венский арбитраж ноября 1938 г. и отступничество словаков в марте 1939 г. уже много сделали для устранения причин чешско-венгерской ненависти» [30, dok. č. 64, s. 151]. Однако эта работа носила скорее ознакомительный характер и практических решений не повлекла.

В декабре 1940 г. чехословацкий МИД выработал отношение к Венгрии: «Чехословакия не признает территориальных изменений, которые произошли в результате событий сентября 1938 г., и не признает также ни Венского арбитража, ни последующих территориальных изменений... Чехословацко-венгерский спор является частью более широкой национальной проблемы в Центральной Европе... Германия в этом случае не подразумевается, отношение к ней требует особого решения» [30, dok. č. 102, s. 237]. В феврале 1941 г. Бенеш в беседе с главой польского правительства В. Сикорским объяснил причины непризнания Венского арбитража, требований ревизии всей границы и возвращения Подкарпатской Руси: «мы исходим из принципа, действующего для *всех* наших соседей, что нам *принципиально* (выделено в документе. — *А. С.*) должны быть возвращены все наши бывшие территории, при этом мы готовы по окончании войны обсуждать каждую границу в отдельности...» [32, doc. 43, p. 89].

Окончательное формирование чехословацких представлений о послевоенных границах своего государства было ознаменовано масштабным Меморандумом президента Э. Бенеша «Мирные чехословацкие цели» от 3 февраля 1941 г., состоявшим из 11 разделов. В ряде пунктов раздела III «Мюнхен и 15 марта 1939 г.» излагалась четкая политическая платформа: «g) Словацко-венгерский арбитраж в Вене от 2 ноября 1938 г., во-первых, был навязан Чехословакии Германией ультимативным порядком и сам был нарушением Мюнхенского договора. Во-вторых, он означал новую национальную несправедливость для Словакии, так как более 450 000 словаков оказались, таким образом, в Венгрии, несмотря на то, что арбитраж осуществлялся, исходя из принципа национальной справедливости для Венгрии. Поэтому он не может быть принят как имеющий для нас силу и нас обязывающий. h) Наиболее важным в вопросе Венского арбитража является тот решающий факт, что арбитраж, добровольно принятый и торжественно подписанный Венгрией, был ею самой своевольно и бесправно нарушен, так как после событий 15 марта 1939 г. Венгрия с оружием напала на Подкарпатскую Русь и на Словакию, заняла всю провинцию и часть Словакии и до сих пор незаконно удерживает эти территории». В разделе IV «Наш принципиальный взгляд на проблему границ» относительно Венгрии прямо излагалось стремление реставрировать предвоенную территорию ЧСР. Допускалась возможность договоренности с Венгрией о приграничных коррекциях и о перемещении населения таким образам, что бы в Словакии осталось как можно меньше венгров, а в Венгрии как можно меньше словаков. При этом подчеркивалось, что Будапешт сам после Венского арбитража «впервые добровольно отказался от традиционного

тезиса о целостности исторической Венгрии». Раздел VI «Чехословакия и Венгрия» содержал положение о том, что фарватер Дуная должен оставаться чехословацко-венгерской границей, которая может быть изменена в том смысле, что в Словакии должно остаться как можно меньше венгров, но Кошице и Ужгород должны быть возвращены ЧСР. Новая граница должна быть этнической и окончательной [33, dok. č. 47, s. 84—92]. Таким образом, меморандум уже содержал основные постулаты политики в отношении венгерского населения Южной Словакии, которые в последующий период были усилены и ужесточены.

Отношения СССР с Венгрией в 1939—1941 гг. отличались неровным характером, который определялся текущими военно-политическими событиями. Так, уже через месяц после Венского третейского суда Италия предложила Венгрии присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, о чем М. М. Литвинов сообщал 7 января 1939 г. И. В. Сталину. 14 января присоединение было оформлено, что привело к разрыву 2 февраля советско-венгерских дипломатических отношений. Однако они были восстановлены 25 октября 1939 г. после завершения советско-польской военной кампании [23, док. 9, с. 20; док. 39, с. 58; док. 67—68, с. 95—96]. При этом советская позиция в Закарпатье осенью 1939 г. была на удивление пассивной. Венгерский посланник в Москве Ж. Криштоффи неоднократно напоминал о появившейся после присоединения к СССР Западной Украины общей границе, квалифицировал ее как «наглухо запертую линию», заявлял, что Венгрия заинтересована «в оживлении своих сообщений с СССР» [15, док. 780, с. 294; док. 803, с. 328; примеч. 254, с. 624]. В обзоре советского полпредства о политическом развитии Венгрии в 1940 г. отмечалось, что национальный вопрос приобрел особую остроту, так как из 13,4 млн чел. населения не менее 26 % составляли национальные меньшинства, в том числе: румыны — 1200 тыс., немцы — 850, украинцы и русины — 650, словаки — 500 тыс. чел. После подписания 30 августа в Вене германо-венгерского соглашения о немецком меньшинстве в Венгрии его ассимиляция была прекращена, но словаков и русинов по-прежнему продолжали усиленно мадьяризировать [16, л. 4—5, 9—11].

Советско-словацкие отношения пережили полуторагодичный период оживленных связей. Словаков больше всего интересовали экономические проекты, а также возможность получения советской поддержки в деле возвращения захваченных Венгрией в 1938 и 1939 гг. словацких земель. Однако Советский Союз, который в начале 1940 г. вел войну с Финляндией, а также готовил свои акции в Прибалтике и Бессарабии, не хотел никаких осложнений с Германией и в словацко-венгерском территориальном вопросе вел себя очень осторожно. Как констатировал Г. М. Пушкин, «от нас словаки ждут, пожалуй, больше, чем мы можем им дать». В подготовленном в НКИДе СССР «Обзоре словацко-венгерских отношений в апреле — начале мая 1940 г.» отмечалось резкое обострение отношений между Словакией и Венгрией, которые с самого начала носили враждебный характер [27, с. 304—306].

Советский Союз интересовала судьба Словакии как государства. 24 июля 1940 г. в Братиславе состоялась встреча германского и советского посланников. Г. Бернард сообщал в Берлин, что Пушкин хотел «узнать лучше будущее Словакии», проявив большой интерес к словацким границам. Он «спросил напрямую, будет ли граница изменена относительно Германии и останется ли Братислава словацкой». Резкость ответной реакции Бернарда заставила Пушкина затушевать свою прямолинейность: «это, в конце концов, России не касается, потому что Словакия лежит в зоне интересов Германии» [6, V. kapitola, dok. č. 41, s. 389—390].

В. М. Молотов, готовясь к визиту в Германию в ноябре 1940 г., рассматривал возможность отнесения «к сфере интересов СССР» ряда регионов. В директивах к берлинской поездке от 9 ноября он отметил: «Вопрос о дальнейшей судьбе Румынии и Венгрии, как граничащих с СССР, нас очень интересует, и мы хотели бы, чтобы об этом с нами договорились» [34, док. 491, с. 31]. В чехословацком МИДе обсуждался этот визит, хотя результаты его были неизвестны. Государственный министр по министерству иностранных дел ЧСР Хуберт Рип-

ка 19 ноября выразил надежду, что СССР, «вероятно, не признает германский контроль над Словакией навсегда» [26, dok. č. 66, s. 165].

Советские дипломаты уделяли не слишком большое внимание Словакии. Так, на встрече советского полпреда в Румынии А. И. Лаврентьева с немецким посланником М. Киллингером 14 февраля 1941 г. последний заметил: «Словакия не такая важная страна, как Румыния, и там могут спать спокойно», что вызвало лишь ответную шутку полпреда. В. М. Молотов на встрече с германским послом Ф. Шуленбургом 28 февраля оценил присоединение Болгарии к Тройственному пакту как гораздо более значимый для Советского Союза акт по сравнению с аналогичными шагами Венгрии и Словакии [35, док. 677, с. 394; док. 699, с. 435].

Тем не менее среди словацких дипломатов продолжало существовать благожелательное отношение к СССР. На встрече с советским полпредом в Венгрии Н. И. Шароновым словацкий посланник Я. Спижиак, назвавший свою страну протекторатом, сообщил, что «удар или угроза... Киеву готовится из Молдавии (румынской провинции. — *А. С.*) и бывшей Польши, а карпатская граница оставляется для венгерских войск, т. к. предполагается, что советские войска у Карпат будут отрезаны после первых ударов». Проявив интерес к состоянию советско-венгерских отношений, Спижиак спровоцировал Шаронова на вопрос «хочет ли Словакия ухудшения этих отношений» и дал на него полпреду отрицательный ответ [35, док. 804, с. 635]. Советская внешняя политика первой половины 1941 г., приобретавшая черты все большей иррациональности, обусловила невнятную позицию Москвы и по отношению к словацко-венгерскому территориальному конфликту.

Выработка подходов к послевоенному урегулированию проблемы Южной Словакии в рамках антигитлеровской коалиции (июнь 1941 — декабрь 1943 г.). Сложность ситуации заключалась в том, что президент Э. Бенеш и его правительство в вопросе границ одновременно эксплуатировали несколько идей, часто противоречивших одна другой.

Во-первых, отстаивался принцип континуитета Чехословакии и ликвидации мюнхенских решений, что находило поддержку в Москве. 3 июля 1941 г. в телеграмме из НКИДа в Лондон И. М. Майскому высказывалась позиция в пользу восстановления чехословацкого государства, но вопрос о его границах пока не затрагивался [36, док. 11, с. 63]. На этой платформе базировалось и советско-чехословацкое соглашение [о совместных действиях в войне против Германии] от 18 июля 1941 г. [37, док. 118, с. 165]. Однако Бенеш в разговоре с Майским 28 августа 1941 г. уже поставил вопрос о недействительности Мюнхенского соглашения и территориальной целостности своей страны [26, dok. č. 104, s. 234]. Все это подготовило советские заявления 1942 г.: о поддержке сильной Чехословакии с предвоенными границами (советника посольства СССР в Лондоне К. В. Новикова — Г. Рипке 16 января), о восстановлении довоенных границ и переселении немцев (И. М. Майского — Э. Бенешу 26 января), о нежелании поляков признавать домюнхенские границы Чехословакии из-за необходимости возвращать Тешенскую область (советского посла при союзных правительствах в Лондоне А. Е. Богомолова — Х. Рипке 27 июля 1942 г.) [26, dok. č. 130, s. 277; dok. č. 134, s. 285; dok. č. 171, s. 348; dok. č. 182, s. 372]. На высоком дипломатическом уровне идея восстановления чехословацких границ была обсуждена В. М. Молотовым и Э. Бенешем 9 июня 1942 г. в Лондоне. Советский нарком подтвердил, что СССР не может признать что-либо, связанное с Мюнхенским соглашением, поэтому поддерживает домюнхенские границы Чехословакии. В завершении беседы они обсудили ситуацию, имевшую место в Венгрии в 1938—1939 гг. (Накануне, 8 июня, все означенные сюжеты были апробированы в беседе Рипки и Богомолова [26, dok. č. 168, s. 342—344; dok. č. 171, s. 350—351]).

Во-вторых, муссировалась двусмысленная идея создания общей советско-чехословацкой границы. Это было возможно путем прекращения венгерской оккупации Подкарпатской Руси, которую Э. Бенеш готов был передать СССР, но противоречило концепции восстановления домюнхенских границ. Впервые Бенеш поставил проблему края еще 22 сен-

тября 1939 г. в беседе с И. М. Майским: «Это была наша земля, и это было наше право владеть ею». Бенеш отметил два варианта решения проблемы Подкарпатской Руси: или «мы удержим ее», или «если Советы попросят, мы не будем против» [26, dok. č. 26, s. 87]. В октябре 1941 г. в беседе с Богомоловым Бенеш подтвердил эту позицию: «Ни полякам, ни венграм я не отдам Закарпатской Руси, а вам отдам» [38, примеч. 1 к док. 55, с. 187]. В беседе с Майским 26 января 1942 г. он своим вопросом спровоцировал советского посла на признание, что СССР хотел бы быть соседом Чехословакии в районе Карпат. На встрече с Богомоловым 27 марта 1942 г. Э. Бенеш подчеркнул, что Мюнхен был бы невозможен, владей СССР Карпатами [32, doc. 91, p. 178—179; doc. 96, p. 187]. При этом Москва параллельно создавала впечатление отсутствия территориальных претензий к ЧСР, в том числе и по-поводу Прикарпатской Украины, а чехословацкие политики (Э. Бенеш, Я. Масарик) декларировали Подкарпатскую Русь как неотъемлемую и автономную часть Чехословакии [26, dok. č. 53, s. 141; dok. č. 75, s. 182; dok. č. 77, s. 184; dok. č. 88, s. 203; dok. č. 89, s. 206].

В-третьих, к интриге добавлялась идея конфедерации Чехословакии с Польшей, появившаяся не без инициативы англичан. Двусторонние переговоры начались еще в августе 1940 г., а 11 ноября 1941 г. и 23 января 1942 г. были подписаны две польско-чехословацкие декларации о сотрудничестве и объединении [39, док. 15 и примеч. 24, с. 142, 648]. Идея активно обсуждалась после июня 1941 г. Об этом шла речь на встречах Э. Бенеша с И. М. Майским 8 июля, чехословацкого посланника в Москве З. Фирлингера (вновь занял этот пост в августе 1941 г., с октября 1942 г. — посол) с британским послом в СССР С. Криппсом и первым заместителем наркома иностранных дел А. Я. Вышинским 24 августа, чехословацкого посла при польском эмигрантском правительстве Я. Скалиского с Майским 2 октября 1941 г. [26, dok. č. 87, s. 200; dok. č. 88, s. 203; dok. č. 102, s. 230—231; dok. č. 108, s. 242]. Однако идея быстро исчерпала себя. Фирлингер, информируя Вышинского о польско-чехословацких отношениях, уже 21 августа 1941 г. заявил, что различные комиссии и переговоры о федеративном или конфедеративном объединении двух государств не дали конкретных результатов из-за различия их социально-политических структур: «Чехословакия представляет собой прогрессивную демократию, тогда как польское государство основано на крупном помещичьем землевладении» [37, док. 174, с. 248—249]. Советские представители в 1941 г. не раз отмечали, что у СССР отсутствует вера в этот союз и его жизнеспособность (разговор А. Е. Богомолова с Х. Рипкой 12 ноября; резидента НКВД в Лондоне И. А. Чичаева с Рипкой 9 декабря 1941 г.) [26, dok. č. 112, s. 246—247; dok. č. 119, s. 254]. Однако У. Черчилль в беседе с Майским 5 декабря 1941 г. поддержал идею польско-чехословацкой федерации в рамках своих планов о федерировании малых государств Европы [37, док. 311, с. 480]. Идея неоднократно обсуждалась и позднее, но чехословацкие лидеры окончательно к ней охладели. Среди прочих причин еще и потому, как писал Фирлингер Бенешу 16 октября 1942 г. из Куйбышева, что «с установлением конфедерации усложнится словацкая проблема» [26, dok. č. 195, s. 399—400].

Все три идеи в разной степени, но оказали свое влияние на понимание союзниками (в первую очередь СССР) чехословацко-венгерского конфликта вокруг Южной Словакии. При этом усилиями Э. Бенеша Словакия, как будущая часть восстановленной Чехословакии, не считалась союзниками страной, воюющей на стороне Германии. Словакии никто не объявлял войну, хотя она 13 декабря 1941 г. (одновременно с Венгрией, Румынией, Болгарией и Хорватией) объявила войну США и Великобритании. Само существование Словакии, как и ее скромное участие в войне на стороне «оси», фактически игнорировалось [40, с. 11, 44].

Э. Бенеш никогда не упускал из виду проблему послевоенных границ Чехословакии. На встрече с министром иностранных дел Польши Е. Рачинским в Лондоне 4 сентября 1941 г. он выразился вполне определенно: «ни от чего не отступимся». При этом Бенеш не исключал возможности разумных компромиссов по линии границы с Венгрией, полагая, что «преимущественно сами словаки примут об этом решение». Кроме того, он изложил одно из наиболее

ранних толкований принципа трансфера населения, обозначив задачу: «стараться избавиться от всех венгров и максимально возможного количества немцев» [41, dok. č. 284, s. 147].

В меморандуме МИДа ЧСР «О международном положении Чехословацкой республики» от 24 сентября 1941 г. было изложено резко негативное отношение к «мюнхенскому диктату» [41, dok. č. 293, s. 164]. В своей лекции «Современная война и будущий мир», прочитанной в Абердинском университете в Шотландии 10 ноября 1941 г., Бенеш особо подчеркнул, что Венгрии не удастся «закрепить территории, полученные с помощью Германии в нарушение международного права, просто как награду за участие в войне на стороне нацистского блока» [41, dok. č. 340, s. 226]. На встрече с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом 13 ноября 1941 г. он твердо обозначил позицию: «Мюнхенская граница для чехословацкого правительства абсолютно неприемлема» [41, dok. č. 347, s. 239].

Х. Рипка 6 декабря 1941г., выступая на 42-м заседании чехословацкого правительства, впервые поднял проблему точной фиксации даты начала войны для его страны, что приобрело особую актуальность три года спустя при выработке условий перемирия с Венгрией. Рипка полагал, что «наиболее уместной» датой начала состояния войны с Германией следует считать мюнхенские события, а с Венгрией — 2 октября 1938 г., когда Венгрия предложила Праге немедленно начать переговоры по исполнению мюнхенских решений [41, dok. č. 381, s. 292].

Первая советская разработка схемы реорганизации европейских границ после войны была подготовлена в связи с визитом в Москву главы Форин офис А. Идена, который проходил 16—20 декабря 1941 г. В разработке и на переговорах В. И. Сталина с Иденом в отношении ЧСР было сформировано положение о восстановлении ее старых границ, включая Судеты, и расширении ее территории на юге за счет Венгрии, «которая должна понести надлежащее возмездие за свое поведение в ходе этой войны» [39, док. 11, с. 125; док. 13, с.137].

Судьба Чехословакии и ее границ занимала определенное место и в геополитическом планировании. Наибольшие колебания в признании домюнхенских границ ЧСР были у Англии. Э. Бенеш в беседе с А. Иденом 21 января 1942 г. остро поставил вопрос о границах, имея в виду, что «Мюнхен лежит только между нами и Англией, а не между Россией, Америкой и нами». Он упрекал Идена, что «по кардинальному вопросу о границах он не знает, что представляет собой Чехословакия в глазах Англии... как и за кого его принимают». Бенеш, как следует из его телеграммы Фирлингеру от 6 апреля, осознал, что английская сторона намерена признать законный домюнхенский статус Чехословакии лишь в конце войны, так как по-прежнему уклоняется от публичного заявления, что в 1938 г. она сделалла «что-то неправильное или нечестное» [42, док. 10, с. 25—26; док. 15, с. 33]. Уступая давлению чехов, Англия 2 августа 1942 г. все же заявила о непризнании мюнхенского договора (и только накануне второго визита Бенеша в Москву в марте 1945 г. сформулировала эту позицию письменно) [38, док. 54, с. 175].

Проблема границ все чаще стала на официальном уровне связываться Э. Бенешем с возможностью выселения из ЧСР национальных меньшинств. Однако В. М. Молотов, принимая Бенеша в Лондоне 9 июня 1942 г., спокойно выслушал его заявление о стремлении «избавиться от значительного числа судетских немцев или всех тех, кто провинился как нацист». Они также обсудили ситуацию в Венгрии в 1938—1939 гг. [26, dok. č. 171, s. 348—351]. Скорее всего в Москве считали вопрос переселения внутренним делом Чехословакии, к тому же не требующим немедленного решения.

На англо-американских переговорах в Вашингтоне в марте 1943 г., где впервые были подробно обсуждены политические проблемам послевоенного устройства, также предполагалось восстановление Чехословакии в ее прежних границах [43, док. 181, с. 299]. В концептуальной разработке Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства при НКИДе СССР (Комиссия Литвинова) от 9 сентября 1943 г. отдельными пунктами значились судьба Судетской области, чехословацко-венгерская граница, Прикарпатская Русь, польско-чехословацкая граница (судьба Тешена) [39, док. 55, с. 244].

В США была создана специальная комиссия при госдепартаменте по определению альтернатив послевоенного развития Словакии. В октябре 1943 г. в комиссии обсуждались четыре возможности помимо «чехословацкого сценария»: 1) автономия Словакии в составе Польши («поляки всегда хотели общую границу с Венгрией, но нет данных, чтобы словаки хотели объединения с Польшей»); 2) автономия Словакии в составе Венгрии («унию с Венгрией хотят только венгры, словаки дважды воевали против агрессии Венгрии»); 3) независимая Словакия (однако «идеи независимой Словакии нет ни в одной программе словацких политических партий»); 4) децентрализация Чехословакии (словаки М. Годжа и Ш. Осуски — противники правительства Э. Бенеша, выступающие за автономию Словакии. Бенеш же отказывается включить данный лозунг в правительственную программу, давая повод опасаться его централистских настроений) [6, dodatky, dok. č. 15 a pozn. 99, s. 416—417].

Венцом идеи восстановления Чехословакии в ее старых границах стал советско-чехословацкий договор о дружбе, который долго готовился к подписанию. Весной 1942 г. возникла идея визита Э. Бенеша в Москву, а весной 1943 г. — идея подписания такого договора. Под влиянием сложившейся международной обстановки (новая отсрочка в открытии второго фронта, разрыв отношений между СССР и польским правительством) в восприятии советской стороны обе идеи — и договора, и визита — слились в одну. Москва хотела принять Бенеша только для подписания договора. В этих условиях Англия воспротивилась быстрому подписанию договора, полагая отложить его до конца войны. Ситуация активно обсуждалась дипломатами трех заинтересованных стран. Определенное место занимали контакты З. Фирлингера с заместителем наркома НКИДа А. Е. Корнейчуком в июле — августе 1943 г., что нашло подробное отражение в дипломатическом дневнике последнего [44, л. 17, 79—81, 101—102].

Готовясь к визиту в СССР, Э. Бенеш составил программу переговоров из 14 пунктов. Во втором — четвертом пунктах значились: проблема послевоенной Германии и Венгрии, отношение к Мюнхену и границы ЧСР, вопрос немецкого и венгерского меньшинства и возможность их переселения. По пути в Москву южным маршрутом через Багдад, Тегеран и Баку Бенеш апробировал (в дни работы Тегеранской конференции) положения программы в беседе с сопровождавшим его А. Е. Корнейчуком [45, dok. č. 54, s. 111; dok. č. 57, s. 119].

Визит начался 11 декабря 1943 г. приемом у М. И. Калинина в Кремле. После приема был устроен банкет, на котором присутствовал В. И. Сталин. Он то и разрядил натянутую обстановку, когда сам заговорил о Мюнхене. По окончании приема были формально обозначены важнейшие вопросы переговоров, в их числе — Венгрия, трансфер населения, послевоенное устройство [46, с. 13, примеч. 7, с. 15]. Таким образом, Э. Бенеш сразу обозначил вынашивавшуюся им с рубежа 1942—1943 гг. проблему удаления из Чехословакии национальных меньшинств, которые были объявлены причастными к разрушению государства в конце 1930-х гг. и считались возможной предпосылкой для нового раздела страны. 12 декабря состоялось подписание советско-чехословацкого договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве сроком на 20 лет. Он гарантировал и провозглашал, что ЧСР в соответствии с международным правом остается в своих домюнхенских границах [47, с. 394—396].

На приеме у В. М. Молотова 14 декабря Э. Бенеш дважды в разном контексте акцентировал главную задачу: «Мы хотим занять нашу домюнхенскую границу с Венгрией». Молотов поддержал тональность: «необходимо, чтобы венгры понесли наказание». Говоря о выселении немцев и венгров после войны, Бенеш сослался на уже полученное на то согласие И. В. Сталина и сконцентрировался на проблеме изгнания судетских немцев. Бенеш привел свои излишне эмоциональные аргументы: «Среди наших немцев — 70 % богатых; они должны быть удалены прежде всего, все они были фашистами... Войну начали немцы в ЧСР, они несут наибольшую вину и их следует наказать». Со словами: «немцы, которые виновны, должны уйти вон», Бенеш вручил Молотову меморандум «О трансфере немцев и венгров из Чехословакии», в котором излагались принципы переселения нацменьшинств [46, с. 22—

24]. (На русском языке записка называлась «Выселение части населения Чехословакии». Сравнительный анализ русского и чешского вариантов документа, а также всех записей визита сделан видным российским богемистом В. В. Марьиной [48, с. 38—41]).

В меморандуме о трансфере от 14 декабря 1943 г. был представлен конкретный план из десяти пунктов. Немцы подлежали выселению в течение «двух — максимум пяти лет» с конфискацией собственности. В результате «в каждом муниципалитете должно стать минимум 67 % жителей чешской, словацкой, карпато-русской (украинской) национальности». В десятом пункте весьма кратко, но вполне определенно значилось: «Аналогично будет осуществляться и переселение венгров из Словакии и Прикарпатской Украины. Поскольку в Венгрии много словаков, то будет произведен обмен населением» [33, dok. č. 130, s. 264—265].

16 декабря в ходе продолжения приема у В. М. Молотова Э. Бенеш напоследок беседы припас проблему трансфера, весьма однозначно (и явно неожиданно для наркома) обозначив возможность территориальной компенсации за него. Бенеш отметил, говоря о немцах, что после восстановления домюнхенской Чехословакии возможно «поступиться некоторыми частями республики в пользу Германии, если бы это нам могло помочь выселить всех немцев». Он показал на карте, где и какие уступки он хотел бы сделать, и пояснил: «хочу не только выселить от нас немцев, но уступить вместе с ними кусок территории». При этом, по его мнению, территориальная проблема должна предстать как «территориальный обмен и ни в коем случае не только как наша односторонняя уступка». На это от осторожного Молотова вообще не последовало никакой реакции или ответа. Однако А. Е. Корнейчук поинтересовался, как это должно выглядеть в отношении венгерской границы. Бенеш пояснил: «...мы также хотим выселить венгров, возможно, обменять их на словаков из Венгрии, и также провести корректировку границы». Он уточнил, что излагал эти взгляды англичанам (но в них он не уверен — «среди англичан много мадьярофилов») и американцам. Две беседы Бенеша с Ф. Рузвельтом убедили в согласии последнего с трансфером венгров и даже в возможности применения тех же принципов в Трансильвании [46, с. 9—10].

18 декабря 1943 г. советскому руководству был вручен меморандум «О будущем статусе Чехословакии и ее меньшинств после заключения перемирия» из шести пунктов. В нем предполагался полный возврат всей домюнхенской территории страны, принцип переселения немцев и венгров (п. 3); разработка решения об «эвентуальном обмене территориями с Германией и Венгрией с целью создания более гомогенных государств», распространение на оставшуюся часть немецкого и венгерского миноритетов международного режима меньшинств (п. 4) [45, dok. č. 66, s. 171—172].

Содержание четырех чехословацких меморандумов (в том числе и двух упоминавшихся) стало основой для беседы И. В. Сталина с Э. Бенешем 18 декабря 1943 г. Советский лидер сам коснулся проблемы Венгрии, обозначив жесткий подход: «Венгров следует строго наказать... С венграми ни в коем случае не следует церемониться». Сталин полностью согласился с содержанием меморандумов от 14 и 18 декабря, посоветовав требовать от Венгрии то, что необходимо, поскольку «венгров надо прижать, они этого заслужили» [46, с. 15—17].

Прием, почести и конкретные результаты визита Э. Бенеша в СССР были приняты им с восторгом. Договор от 12 декабря 1943 г. усилил международные позиции лондонского чехословацкого правительства, позволил ему увереннее добиваться своих целей. Сопутствующие устные договоренности укрепили Бенеша в решимости осуществить выселение после войны немецкого и венгерского меньшинств. При этом было очевидным, что он в своих высказываниях и официальных документах сформулировал весьма приемлемую и рациональную идею решения проблемы этих меньшинств (о чем говорил и ранее), как комбинацию депортации и обмена населением с частичной территориальной компенсацией. Однако по мере модификации этой идеи на завершающем этапе войны ее компонент о коррекции границ был быстро затушеван и вскоре вообще исчез из политической лексики чехословацкой эмиграции.

Сразу после окончания войны, с началом административного изгнания немецкого населения из Судетской Богемии на политическом уровне поставить вопрос о возможной коррекции границы было некому — Германии как таковой не существовало. Когда же в условиях развертывавшегося изгнания венгров из мест их компактного проживания в Словакии Венгрия выдвинула предложение о территориальной компенсации, Прага заклеймила ее как наследника трианонского ревизионизма Короны святого Стефана.

Результаты визита Э. Бенеша в Москву и заключение договора о дружбе были одобрены и оценены У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом. Сам Бенеш вполне обоснованно считал, что проблемы домюнхенских границ и переселения немецкого и венгерского меньшинств после визита решены [45, dok. č. 74, s. 196—197; dok. č. 76, s. 229—230; dok. č. 80, s. 240—241]. Советско-чехословацкие договоренности оказали свое позитивное влияние на характер и принципы послевоенного урегулирования в Юго-Восточной Европе.

Формирование принципов послевоенного урегулирования проблемы Южной Словакии в рамках антигитлеровской коалиции (январь 1944 — май 1945 г.). Глобально сформулированные советские представления о послевоенном урегулировании содержались в записке И. М. Майского по вопросам будущего мира и послевоенного устройства от 11 января 1944 г. В разделе «Чехословакия» отмечалось, что «в противоположность Польше СССР *выгодно стремиться к созданию сильной Чехословакии* (выделено в документе. — *А. С.*), которая... способна быть важным проводником нашего влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе». Это означало, как минимум, восстановление Чехословакии в прежних границах с «прибавкой Тешена». Если же при «окончательной перекройке карты Европы окажется возможным еще что-либо прирезать к Чехословакии, это следует сделать». Также подтверждалось выселение немцев. В разделе «Венгрия» значилось, что СССР «*не заинтересован в создании сильной Венгрии* (выделено в документе. — *А. С.*)». В разделе «Итоги» делался вывод, что Чехословакия должна быть «по возможности усилена — территориально, политически и экономически», а Венгрия разными способами должна быть «сокращена в территории на базе строгого проведения этнографического принципа» [39, док. 79, с. 342, 353].

В кругах венгерской демократической эмиграции в это время шло осознание необходимости новых подходов к проблеме границ и отношений с соседними странами. В мае 1944 г. в Лондоне был создан Венгерский совет в Великобритании, о чем сообщал в НКИД советский посол Ф. Т. Гусев. В программе совета содержался отказ от притязаний к соседним государствам, основанных на «тысячелетних исторических правах» Короны святого Стефана, что вело к войнам против «славянского народа». Отмечалось, что Венские решения «не считаются правильными и справедливыми», а вопрос о территории новой Венгрии будет решен союзниками «в духе права и справедливости» [49, л. 49—52].

Правительство Э. Бенеша, разумеется, ничего не зная о документе И. М. Майского, действовало тем не менее в унисон его содержанию. Оно сформулировало свои претензии к Будапешту в собственной памятной записке об условиях перемирия с Венгрией от 24 августа 1944 г., передав ее в НКИД СССР. В записке содержалась просьба к Москве обязать Венгрию принять после войны всех венгров, которых предполагалось выслать из Чехословакии. Кроме того, была высказана мысль о возможности участия ЧСР в оккупации Венгрии «в зонах, примыкающих к южным границам Чехословакии». Однако эта избыточная претензия была отсеяна уже на начальном уровне обсуждения в III Европейском отделе НКИДа — на полях имелась категорическая заметка: «Отпадает» [50, л. 58].

Председатель Комиссии НКИДа по вопросам перемирия с Германией и ее союзниками К. Е. Ворошилов 31 августа сообщил В. М. Молотову, что составлен «новый, несколько смягченный проект условий перемирия с Венгрией», который можно использовать, если она выйдет из войны до капитуляции Германии. Однако и этот проект повторял условие отзыва венгерской администрации из всех захваченных территорий [50, л. 2—3]. В конце сентября

регент Венгрии М. Хорти направил покаянное письмо И. В. Сталину с просьбой «пощадить нашу несчастную страну» при выработке условий перемирия. Впрочем, он не забыл заметить с позиций исторического права: «мы никогда не хотели отнять у кого-либо хотя бы одного дюйма того, что не принадлежало нам по праву» [38, док. 14, с. 72]. Предварительные условия перемирия были приняты Венгрией 11 октября 1944 г. Она обязывалась в 10-дневный срок эвакуировать свои войска и чиновников в пределы домюнхенских границ [38, док. 17, с. 101].

У чехословацкого эмигрантского правительства все же не было надежды на твердую поддержку великих держав в вопросе полного выселения венгров. Словацкие политики в Лондоне также первоначально сомневались как в возможности его осуществления, так и в моральности этого шага. Поэтому акцент стал делаться на необходимости обмена населением. 23 октября 1944 г. в меморандуме правительства ЧСР, направленном в Москву и Лондон, кроме трансфера (по терминологии того времени — это либо выселение населения из страны, либо обмен им между странами на договорной основе) немцев ставился и вопрос о венгерском меньшинстве. Этот вопрос трактовал частичный добровольный и примерно равный по численности обмен венгров из Словакии на словаков из Венгрии [51, с. 285].

В промежутке времени между принятием Венгрией предварительных условий и подписанием ею перемирия (октябрь 1944 — январь 1945 г.) чехословацкая дипломатия развила высокую активность. В целом ряде документов, бесед, переговоров будировался вопрос о выгодных для нее условиях перемирия и возможности участия Чехословакии в его подписании [45, dok. č. 151, s. 334; dok. č. 152, s. 338; dok. č. 158, s. 347; dok. č. 164, s. 358; dok. č. 189, s. 395—396; dok. č. 191, s. 397; dok. č. 199, s. 411—412; dok. č. 206, s. 426; dok. č. 210, s. 432; dok. č. 215, s. 443—444; dok. č. 221—222, s. 457—461; dok. č. 225, s. 465—466].

21 ноября 1944 г. З. Фирлингер поставил перед заведующим IV Европейским отделом НКИДа В. А. Зориным вопрос об участии чехословацкого правительства на уровне консультаций в обсуждении перемирия с Венгрией. При этом Х. Рипка придерживался мнения о необходимости более активных форм участия [50, л. 73—74]. На встрече в Лондоне с советским послом Ф. Т. Гусевым он выставил требование зафиксировать официальные даты начала войны для ЧСР: с Германией — 17 сентября, а с Венгрией — 7 октября 1938 г. [45, dok. č. 187, s. 388]. Усиливая давление на НКИД СССР на предмет фиксирования советской стороной возможности «силового решения» венгерского вопроса, чехословаки разработали Замечания к проекту условий перемирия с Венгрией. В них особо были выделены три вопроса, о чем 30 декабря сообщал в телеграмме И. А. Чичаев: 1) отзыв венгерских войск и администрации с чехословацкой территории за пределы домюнхенских границ; 2) согласие Венгрии в принципе на обмен и перемещение населения при оказании давления на венгров со стороны Москвы, что мотивировалось созданием важного прецедента для решения проблемы судетских немцев; 3) стремление ЧСР иметь датой начала войны с Венгрией 7 октября 1938 г., когда Венгрия выдвинула ультиматум и напала на Словакию [50, л. 131].

Реакция из НКИДа СССР была быстрой и неутешительной. Уже 1 января 1945 г. В. А. Зорин сформулировал отношение к трем чехословацким пунктам, фактически отклонив их: 1) предложение об отводе венгерских войск покрывается ст. 19 советских условий перемирия; 2) обмен и перемещение населения относится к условиям мирного договора, а не перемирия, поэтому «нет нужды сейчас фиксировать это требование, хотя по существу у нас вряд ли могут быть возражения против перемещения известной части венгерского населения из Чехословакии в Венгрию»; 3) в перемириях с Румынией, Финляндией, Болгарией дата начала войны не фиксировалась, а указывалась лишь дата выхода из войны [52, л. 8].

На встрече В. А. Зорина с З. Фирлингером 9 января 1945 г. советская позиция была озвучена. При этом последний в конце разговора особо акцентировал внимание на фиксации права своего правительства на выселение венгров и обязательстве Венгрии принять этих переселенцев. Он сформулировал и мотивацию, которая звучала как плохо скрытая угроза: «...посколь-

ку обстановка в Чехословакии может сложиться так, что венгры сами вынуждены будут перебраться в Венгрию» [38, док. 38, с. 134]. Предложения ЧСР были окончательно сформулированы в памятной записке В. М. Молотову от 15 января, содержавшей параграф об аннулировании всех положений, относящихся к аннексии Венгрией чехословацких территорий [38, примеч. 2 к док. 42, с. 153]. Не случайно в начале января, когда были открыты работы по подготовке мирного договора с Венгрией, заведующий III Европейским отделом НКИДа А. А. Смирнов предложил заложить принцип восстановления ее трианонских границ [52, л. 5].

В связи с настойчивыми предложениями чехословацкого правительства зафиксировать дату начала войны с Венгрией В. А. Зорин и политический советник в Венгрии Г. М. Пушкин 11 января 1945 г. подготовили специальную справку. В этом сугубо внутреннем документе указывалось, что дата 7 октября 1938 г. по-видимому, призвана оправдать согласие Чехословакии с решениями Венского арбитража 2 ноября 1938 г. и поведение Э. Бенеша, отказавшегося 5 октября от поста президента и покинувшего 22 октября 1938 г. страну. Авторы справки предлагали проинформировать о ее содержании англичан, понимая, что чехословацкая постановка проблемы особенно их задевает и они выскажутся против фиксирования даты. Далее Зорин и Пушкин продолжали, намечая контуры маленькой сделки с Форин офис за спиной Бенеша: «Нам не следует особенно настаивать на принятии предложения чехов, но мы можем использовать эти предложения для того, чтобы побудить англичан пойти на уступки нам по другим статьям соглашения... Чехам же можно дать понять, что их предложения не приняты вследствие возражений англичан». В справке было сформулировано положительное отношение Москвы к другому предложению Бенеша — зафиксировать право Чехословакии выселить венгров с ее территории, а также обязательство Венгрии принять этих переселенцев, но отнести эти решения к условиям мирного договора [52, л. 13—14].

6 декабря 1944 г. В. М. Молотов принял венгерскую делегацию. Территориальный вопрос формально не затрагивался, но уже обозначился жесткий подход советской стороны к решению венгерских проблем [53, 2. dok. 27—31. old.]. 18 января 1945 г. в Москве венгерская делегация во главе с министром иностранных дел Яношем Дьёндёши приняла условия перемирия союзных держав на встрече с Молотовым в присутствии посла США А. Гарримана и британского поверенного в делах Дж. Бальфура. Ей были даны 24 часа, чтобы сделать свои комментарии к условиям, но все они были отклонены. 20 января Венгрия подписала соглашение о перемирии на принципах безоговорочной капитуляции. Им отменялись Венские решения 1938 и 1940 гг., венгерские войска выводились с территорий за пределами старых границ Венгрии, учреждалась Союзная контрольная комиссия (СКК) для Венгрии под председательством маршала К. Е. Ворошилова. СКК ограничила суверенитет страны, контролировала внешнюю политику, вмешивалась во внутриполитические вопросы [54, с. 22—23].

Э. Бенеша по-прежнему тревожила уклончивость в позиции Лондона по вопросу трансфера. У. Черчилль на встрече с ним в Чекерсе 24 февраля 1945 г. предложил «решить эту проблему индивидуально, без согласия великих держав» по принципу «сначала обсудить, а затем выполнить». В результате у Бенеша сложилось впечатление, что Черчилль хотел обойти важный для чехословацкого правительства вопрос [45, dok. č. 244, s. 493].

Свою позицию по проблеме меньшинств формулировали и чехословацкие коммунисты. Руководитель Загранбюро КПЧ Клемент Готвальд 10 марта 1945 г. послал И. В. Сталину первый проект платформы нового чехословацкого правительства и сопроводительное письмо. В нем сообщалось, что «предметом особого спора, по всей вероятности, будут словацкий вопрос (гл. V платформы), вопрос Закарпатской Украины (гл. VI)». Однако в письме даже не упоминался в качестве спорного вопрос, трактовавшийся в гл. VII — об отношении к немецкому и венгерскому меньшинствам [55, л. 3, 11—13]. Это означало, что у всех чехословацких политических сил имелось по данному вопросу полное согласие. Проект же предполагал, что немцы и венгры, имевшие гражданство ЧСР до 1938 г., остаются в нем только в случае, если

они были активными антифашистами. Для всех остальных гражданство будет аннулировано с правом подать заявление о новом принятии в гражданство при индивидуальном рассмотрении. Что же касается немцев и венгров, переселившихся в ЧСР после Мюнхена, то они будут «немедленно изгнаны... если не подлежат другому наказанию» [55, л. 14—15].

В ходе визита Э. Бенеша в Москву 17—30 марта 1945 г. важнейшим пунктом повестки дня был трансфер из ЧСР немецкого и венгерского населения. На встрече с В. М. Молотовым 21 марта Бенеш выдвинул конкретную программу его проведения. В историографии уже сложилось мнение о том, что Бенеш, актуализируя согласие Лондона на трансфер немцев, преднамеренно связал воедино постановку вопроса о выселении и немцев, и венгров. Молотов дал согласие на выселение немцев, поинтересовавшись количеством подлежащих выселению. После чего Бенеш вновь связал воедино уже реализацию трансфера и немцев, и венгров [56, с. 218—219]. Он привел прогноз о выселении 2 млн немцев, после чего их останется около 800 тыс. чел., а также о выселении 400 тыс. венгров, после чего их останется в ЧСР около 200 тыс. чел. [38, док. 54, с. 176]. На второй встрече с Молотовым 24 марта Бенеш, уже в который раз за годы войны подняв вопрос о присоединении Карпатской Украины к СССР, перечислил выгоды этого для ЧСР: Советский Союз станет соседом Венгрии, он перейдет за Карпаты, повысится безопасность Чехословакии, облегчится решение ее национального вопроса. Реакция Молотова была в том же духе: с появлением советско-венгерской границы «венгры будут, безусловно, сидеть тихо». Бенеш по поручению Словацкого национального совета (СНС), охарактеризованного им как «больной ребенок в Чехословакии», изложил просьбу. Она касалась помощи как можно быстрее очистить Словакию от 10—15 тыс. венгров, которые пришли туда после Мюнхена, дав соответствующие указания командованию 2-го Украинского фронта [38, док. 55, с. 186].

Антивенгерские настроения в Словакии стремительно нарастали. В письме генерального секретаря ЦК КП Венгрии (КПВ) Матьяша Ракоши заведующему Отделом международной информации ЦК ВКП(б) Г. М. Димитрову от 17 марта сообщалось о потоке жалоб на притеснения от венгров-коммунистов из Словакии, где не выходила даже венгерская коммунистическая газета [57, док. 45, с. 170]. В апреле из VII управления ГлавПУРККА поступали сведения, что в Словакии «антивенгерские настроения сильны не только среди демократов, но и часто среди коммунистов» [38, примеч. 3 к док. 62, с. 200].

5 апреля 1945 г. в Чехословакии была провозглашена Кошицкая правительственная программа. В ней еще не шла речь о всеобщем выселении немцев и венгров, но в главе VIII документа уже предписывалось введение особого административного режима в местах их компактного проживания [58, dok. č. 1, s. 37—38]. Особым образом в программе был отражен вопрос о гражданстве: «немцы и венгры, которые прибыли на территорию ЧСР после Мюнхенского договора 1938 г., будут из республики высланы сразу, если не подпадают под судебное преследование. Исключение составляют лица, которые работали во благо Чехословакии» [59, dok. č. 272, s. 409]. Данные положения программы закладывали принцип этнической чистки в отношении указанной категории лиц, никакие исключения впоследствии не делались.

На фоне споров о компетенции центральных и словацких властей, усилившихся с принятием программы, а также в условиях фактического осуществления СНС всех административных функций на территории Словакии началось обсуждение сроков, форм и методов выселения венгров. Министр внутренних дел Чехословакии Вацлав Носек сообщил 11 апреля советскому послу В. А. Зорину, что словацкие власти готовятся провести операцию по выселению венгров с территории Словакии, причем «словаки намерены выселить всех венгров». Носек же считал, что для начала нужно выселить лишь венгров-оккупантов (3—4 тыс. чел.), появившихся в Словакии после 1938 г. Остальных венгров он предлагал выселять только после «предварительной работы» — объявления для них трудовой повинности, создания концлагерей для нелояльных венгров, отбора из их числа выселяемых. Носек не забывал о

том, что и в Венгрии имеются словаки, которых могут подвергнуть высылке [38, док. 62, с. 199]. 16 апреля премьер-министр ЧСР З. Фирлингер сообщил Зорину, что СНС принял решение провести акцию по выселению венгров «возможно быстрее и сделать это до того, как другие союзники начнут заниматься этим вопросом». Готовилось выселение в течение трех месяцев до 400 тыс. венгров из южных районов Словакии [38, примеч. 2 к док. 75, с. 226].

Венгерское меньшинство в целях самозащиты 19 апреля 1945 г. обратилось к центральному правительству и СНС со специальным меморандумом. В нем подчеркивалось, что словацкие венгры «ни до, ни после 14 марта 1938 г. не совершали предательства против демократии и гуманизма» и категорически возражают против «отождествления венгров с немцами». Никакого ответа на данный документ не последовало [56, с. 227].

Отметим, что на фоне обсуждения и согласования политической концепции выселения венгров уже давно — еще со времен Словацкого национального восстания — принимались постановления президиума СНС по практической реализации этой концепции, вылившейся в ряд дискриминационных и репрессивных мер по отношению к венграм. Постановлением СНС «Об урегулировании школьного дела и богослужебной речи немецкого и венгерского национальных меньшинств» от 6 сентября 1944 г. закрывались школы с венгерским языком обучения «всех категорий и ступеней, кроме народных школы, открытых до 6 октября 1938 г. (т. е. до подписания Жилинского договора о провозглашении автономии Словакии. — *А. С.*)» [60, dok. č. VII/1, s. 259]. Постановление президиума СНС «Об отчуждении и ускоренном разделе сельскохозяйственного имущества немцев и венгров как врагов и неприятелей словацкого народа» от 27 февраля 1945 г. предусматривало «отчуждение без компенсации для целей аграрной реформы» земли: у венгров, которые не имели гражданства ЧСР до Первого Венского арбитража; у венгров вне зависимости от гражданства, которые владели более чем 50 га; у врагов и неприятелей словацкого народа любой национальности независимо от количества земли во владении. Примечательно, что постановление исходило из принципа предательства венгров по отношению к словацкому народу, а Чехословакия в тексте вообще не упоминалась [60, dok. č. IV/2, s. 149—152]. Реализацию данного акта довершило «Объявление уполномоченного СНС по сельскому хозяйству и земельной реформе» от 10 марта. Этим документом на местные органы власти возлагалась выработка списка лиц, земля которых передавалась под национальное управление [60, dok. č. IV/3, s. 153—158)]. На основании распоряжения уполномоченного СНС по внутренним делам от 5 мая 1945 г. за венгерскую границу в течение двух месяцев были выдворены лишь с ручным багажом 31,8 тыс. словацких венгров, которые поселились в Словакии после Венского арбитража [56, с. 225].

Выступая 9 мая 1945 г. в Братиславе, Э. Бенеш заявил, будто чехи и словаки уже окончательно решили, что «с немцам и венграми жить в одном государстве... не могут и не будут. После этой войны... у меньшинств не будет никаких прав. ...Из нашей страны должно уйти подавляющее большинство немцев и венгров». Данное заявление стало поворотным в публичной оценке будущей судьбы венгерского меньшинства в ЧСР. До этого никто и никогда не связывал напрямую судетских немцев и словацких мадьяр — напротив, оценка этих меньшинств ранее значительно отличалась. Позиция Бенеша стала неожиданностью не только для местных венгров, но для своего политического руководства, так как она означала полный отход от принципов и заветов первого президента Чехословакии Т. Г. Масарика. Последовала вспышка антивенгерских настроений. Развернулась акция массовых арестов и выселения венгров из своих квартир и домов, причем, начавшись именно с Братиславы, она быстро распространилась на всю Словакию [56, с. 232—233].

Выводы. Германо-словацкий Охранный договор (18—23 марта 1939 г.) и словацко-венгерская война (23—26 марта 1939 г.) привели к оккупации Германией обширной зоны в Западной Словакии и очередной аннексии Венгрией части Восточной Словакии (Собранецкий округ). Влияние Германии в регионе возросло, она получила возможность манипулировать и Брати-

славой, и Будапештом, дозируя их ревизионистские устремления друг против друга. В условиях начавшейся Второй мировой войны Берлин сделал территориальный спор между Словакией и Венгрией объектом политического торга и шантажа. Это стало одной из причин присоединения данных стран к Тройственному пакту. Попытки Румынии втянуть Словакию в антивенгерский блок внутри фашистской «оси» реальных результатов не принесли. Важным фактором отправки словацких и венгерских войск на советско-германский фронт стало стремление политических элит двух стран заполучить лучшие позиции в послевоенном переустройстве в Карпато-Дунайском регионе. После Сталинградской битвы и Венгрия, и Словакия начали искать пути выхода из войны на стороне Германии и способы решения взаимных территориальных претензий. Однако в октябре 1944 г. обе страны были оккупированы Германией, что лишило их возможности бороться за реализацию ревизионистских программ.

С началом Второй мировой войны проблема возврата утраченных Словакией в пользу Венгрии территорий перешла в плоскость отношений чехословацкого эмигрантского правительства с западными странами. Э. Бенеш сформулировал принципы непрерывности правового существования ЧСР и непризнания решений Мюнхенского соглашения и Первого Венского арбитража. Из этого вытекала реставрация предвоенной территории Чехословакии и идея трансфера населения. В рамках антигитлеровской коалиции началось формирование первых представлений о будущей чехословацко-венгерской границе. Причем Бенеш начал связывать проблему границ с возможностью выселения из ЧСР национальных меньшинств. Венцом идеи восстановления Чехословакии в ее старых границах стал советско-чехословацкий договор 12 декабря 1943 г. и устные договоренности со Сталиным о возможности выселения немцев и венгров. Важнейшим результатом визита Бенеша в Москву в марте 1945 г. стало согласие советского руководства на трансфер из ЧСР немецкого и венгерского населения.

С принятием Кошицкой программы 5 апреля 1945 г., заложившей принципы этнической чистки, возникли споры о компетенции центральных и словацких властей, согласовывалась политическая концепция выселения венгров. Однако еще с осени 1944 г. начали реализовываться постановления Словацкого национального совета, предусматривавшие дискриминационные и репрессивные меры по отношению к венграм. В выступлении Бенеша 9 мая 1945 г. в Братиславе впервые напрямую была связана оценка судетских немцев и словацких мадьяр. Это привело к вспышке антивенгерских настроений в Словакии и подготовило драматический процесс изгнания части венгров и жесткой дискриминации оставшихся.

БИБЛИОГРАФИЧЕССКИЕ ССЫЛКИ

1. *Сальков А. П.* Проблема границ и национальных меньшинств в чехословацко-венгерских отношениях (ноябрь 1918 — март 1939 г.) // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. VII. Минск : БГУ, 2012. С. 9—28.

2. Slovensko-nemecké vzt'ahy 1938—1941 v dokumentoch: v 2 sv. Sv. I.: od Mníchova k vojne proti ZSSR / príprava a výber dokumentov: Eduard Nižňanský, Jana Tulkisová, Igor Baka, Miloslav Čaplovič, Miroslav Fabricius, L'udovít Hallon, Dušan Segeš, David Schriffl, Michal Schvarc. Bratislava : Universum, 2009. 1171 s.

3. *Пушкаш А. И.* Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 — сентябрь 1939 г. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2003. 460 с.

4. *Petruf Pavol.* Zahraničná politika Slovenskej republiky 1939—1945: (náčrt problematiky). Bratislava : Historický ústav SAV, 2011. 328 s.

5. Венгрия и Вторая мировая война: Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны / Ласло Жигмонд, Магда Адам, Дьюла Юхас (подгот. док., вступ. статьи к разделам). М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 367 с.

6. *Krajčovič Milan.* Medzinárodné súvislosti slovenskej otázky 1927/1936—1940/1944: maďarské dokumenty v porovnani s dokumentmi v Bonne, Bukurešti, Viedni a Prahe. Bratislava : Slovak Academic Press, 2008. 439 s.

7. *Чиано Галеаццо.* Дневник фашиста, 1939—1943. М. : Плацъ, 2010. 672 с.

8. *Kubík Petr.* Slovensko-talianske vzt'ahy: 1939—1945. Bratislava : Ústav pamäti národa, 2010. 355 s.

9. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 — август 1939 г.): Документы и материалы / А. А. Громыко (редкол.) [и др.]. М. : Политиздат, 1971. 736 с.

10. Год кризиса, 1938—1939: Документы и материалы: в 2 т. / А. П. Бондаренко (редкол.) [и др.]. М. : Политиздат, 1990. Т. 1: 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. 555 с.

11. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. Р-9401 («Особая папка» Молотова. Из материалов Секретариата НКВД — МВД СССР 1944—1956 гг.). Оп. 2. Д. 140 — Материалы за 2—12 января 1946 г.

12. *Пеганов А. О.* Секретные переговоры М. Каллаи и Й. Тисо в 1943 г. в контексте венгерословацких отношений в годы Второй мировой войны // Сборник научных статей молодых ученых: вып. 1 / В. Г. Шадурский (общ. ред.) [и др.]. Минск : Четыре четверти, 2012. С. 234—243.

13. *Марьина В. В.* Словакия в политике СССР и Германии // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. / отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибианский. М. : Индрик, 1999. С. 198—240.

14. Марьина В. В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939—1945 гг. М. : Новый хронограф, 2003. 304 с.

15. Документы внешней политики. 1939. Т. XXII / редкол.: Комплектов В. Г. [и др.]: в 2 кн. Кн. 2: сентябрь — декабрь. М. : Междунар. отношения, 1992. 688 с.

16. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 077 (Референтура по Венгрии). Оп. 21. П. 111. Д. 1 — Обмен информационными письмами между НКИД СССР и полпредством в Будапеште.

17. *Тейхман Мирослав.* Попытки формирования антиревизионистского альянса внутри фашистской «оси»: хорватско-словацко-румынское сотрудничество против Венгрии (1941—1943 гг.) // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. VIII. Минск : БГУ, 2013. С. 120—128.

18. *Майский Иван Михайлович.* Дневник дипломата. Лондон, 1934—1943: в 2 кн. М. : Наука, 2006—2009. (Научное наследство; Т. 33). Кн. 2, ч. 1: 4 сентября 1939 — 21 июня 1941 г. 2009. 492 с.

19. *Bystrický Jozef.* Pozemné vojská slovenskej armády na východnom fronte v rokoch 1941.—1945. // Slovensko a druhá svetová vojna. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie v Bratislave 29.—31. mája 2000. / ed. František Cséfalvay. Bratislava : Vojenský historický ústav, 2000. S. 191—216.

20. *Гришина А. С.* Острогожско-Россошанская наступательная операция: 40-я армия Воронежского фронта против 2-й Венгерской королевской армии. Уроки истории // Научные ведомости Белгородского ГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. № 7. С. 196—202.

21. Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944—1945: Документы и материалы. Т. 14-3 (2) / А. Д. Ефремов (авт.-сост.) [и др.]. М. : ТЕРРА, 2000. 688 с.

22. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений: в 6 т. М. : Наука, 1973—1983. Т. 3: июнь 1934 г. — март 1939 г. / подгот. Ч. Аморт, М. И. Копашева, А. И. Недорезов. 1978. 647 с.

23. Документы внешней политики. 1939. Т. XXII / редкол.: В. Г. Комплектов [и др.]: в 2 кн. Кн. 1: сентябрь — декабрь. М. : Междунар. отношения, 1992. 712 с.

24. *Майский Иван Михайлович.* Дневник дипломата. Лондон, 1934—1943: в 2 кн. М. : Наука, 2006—2009. (Научное наследство; Т. 33). Кн. 1: 1934 — 3 сентября 1939. М. : Наука, 2006. 531 с.

25. Od rozpadu Česko-Slovenska do euznán československé prozatímní vlády 1939—1940: (16. březen — 15. červen 1940). Praha : Ústav mezinárodních vztáhů, 2002. 731 s. (Dokumenty československé zahraniční politiky).

26. Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních. 1939—1945: Dokumenty: v 2 díl. / editoři Jan Němeček, Helena Nováčková, Ivan Šťovíček, Miroslav Tejchman. Praha : Státní ústřední archiv v Praze, 1998—1999. Díl 1: (březen 1939 — červen 1943). 1998. 627 s.

27. *Марьина В. В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939—1945 гг.: в 2 кн. Кн. 1: 1939—1941. М. : Индрик, 2007. 448 с.

28. Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) и Коминтерн: 1919—1943 гг. Документы / редкол. Г. М. Адибеков [и др.]. М. : РОССПЭН, 2004. 960 с.

29. Коминтерн и Вторая мировая война. [Документы]: в 2 ч. / отв. ред. К. М. Андерсон, А. О. Чубарьян. М. : Памятники исторической мысли, 1994—1998. Ч. 1: до 22 июня 1941 г. 1994. 554 с.

30. Od uznání československé prozatímní vlády do vyhlášení válečného stavu Německu 1940—1941: u 2 sv. / k vydání připravil Jan Němeček. Praha : Ústav mezinárodních vztáhů, 2006—2009. Sv. 1: (16. červen 1940 — 30. duben 1941). 2006. 422 s. (Dokumenty československé zahraniční politiky).

31. Dekrety prezidenta republiky 1940—1945: Dokumenty. Druhé vydán / k vydání připravili Karel Jech a Karel Kaplan. Brno : Doplněk : Ústav pro soudobé dějiny ČR, 2002. 1067 s.

32. Czechoslovak-Polish Negotiations of the Establishment of Confederation and Alliance, 1939—1944: Czechoslovak diplomatic documents / ed. Ivan Š ov ček, Jaroslav Valenta. Praha : Karolinum, 1995. 449 p.
33. Češi a sudetoněmecká otázka. Dokumenty / sestavila Jitka Vondrová. Praha : Ústav mezinárodníh vztáhů, 1994. 347 s.
34. Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941. Т. XXIII / редкол.: Г. Э. Мамедов [и др.]: в 2 кн. М. : Междунар. отношения, 1995—1998. Кн. 2 (1): 1 ноября 1940 — 1 марта 1941. 1998. 444 с.
35. Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941. Т. XXIII / редкол.: Г. Э. Мамедов [и др.]: в 2 кн. М. : Междунар. отношения, 1995—1998. Кн. 2 (2): 2 марта 1941 — 22 июня 1941. 1998. 448 с.
36. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945. Документы и материалы / редкол. Г. П. Кынин [и др.]: в 2 т. М. : Политиздат, 1983. Т. 1: 1941—1943. 542 с.
37. Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Т. XXIV / редкол. Е. П. Гусаров [и др.]. М. : Междунар. отношения, 2000. 632 с.
38. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг.: в 2 т. / Г. П. Мурашко (отв. ред.) [и др.]. М. ; Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997—1998. Т. 1: 1944—1948 гг. 1997. 985 с.
39. СССР и германский вопрос. 1941—1949: Документы из АВП РФ: в 4 т. / сост. Г. П. Кынин и Й. Лауфер. М. : Междунар. отношения, 1996—2003. Т. 1: 22 июня 1941 г. — 8 мая 1945 г. 1996. 784 с.
40. *Марьина В. В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939—1945 гг.: в 2 кн. Кн. 2: 1941—1945. М. : Индрик, 2009. 432 с.
41. Od uznání československé prozatímní vlády do vyhlášení válečného stavu Německu 1940—1941: u 2 sv. / k vydání připravil Jan Němeček. Praha : Ústav mezinárodníh vztáhů, 2006—2009. Sv. 2: (1. květen 1941 — 31. prosinec 1941). — 2009. 544 s. (Dokumenty československé zahraniční politiky).
42. Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. Документы и материалы. М. : Политиздат, 1960. 291 с.
43. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945. Документы и материалы: в 2 т. / редкол. Г. А. Арбатов. М. : Политиздат, 1984. Т. 1: 1941—1943. 510 с.
44. АВПРФ. Ф. 016. Оп. 1. П. 1. Д. 1.
45. Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních. 1939—1945: Dokumenty: v 2 díl. / editoři Jan Němeček, Helena Nováčková, Ivan Šťovíček, Miroslav Tejchman. Praha : Státní ústřední archiv v Praze, 1998—1999. Díl 2: (červenec 1943 — březen 1945). 1999. 663 s.
46. Переговоры Э. Бенеша в Москве (декабрь 1943 г.) // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 6—28.
47. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 1: Июнь 1941 г. — декабрь 1943 г. М. : Наука, 1981.
48. *Марьина В. В.* Выселение немцев из Чехословакии: рождение и модификация идеи. 1939—1943 годы // Славяноведение. 2003. № 1. С. 18—42.
49. АВПРФ. Ф. 077. Оп. 24. П. 112. Д. 4.
50. АВПРФ. Ф. 077. Оп. 24. П. 112. Д. 3.
51. *Носкова Х.* Венгерское меньшинство в Чехословакии и словацкое — в Венгрии: решение участи // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944—1948 / В. В. Марьина (отв. ред.). М. : Наука, 2004. С. 285—309.
52. АВПРФ. Ф. 077. Оп. 25. П. 114. Д. 23.
53. *Izsák Lajos, Nagy József.* Magyar Történeti dokumentumok 1944—2000. Budapest : Nemzetí Tankönjvkiadó, 2004. 614. old.
54. *Ижак Лайош.* Политическая история Венгрии. 1944—1990. М. : ИРИ РАН, 2006. 320 с.
55. РГАСПИ. Ф. 17 (ЦК ВКП(б). Оп. 128. Д. 716 — Записки ОМИ в ЦК ВКП(б).
56. *Желицки Б. Й.* Проблема выселения венгров из Чехословакии // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944—1948. М. : Наука, 2004. С. 211—284.
57. Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Документы: в 2 т. / Т. В. Волокитина (отв. ред.). М. : РОССПЭН, 1999—2002. Т. 1: 1944—1948 гг. 1999. 687 с.
58. Cestou května. Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce: duben 1945. — květen 1946. / sestavil Jaroslav Soukup. Praha : Svoboda, 1975. 494 s.
59. Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti: v 2 sv. / [Ján Beňko... et al.]. Bratislava : Národné literárne centrum, 1998. Sv. II. 591 s.
60. Nemci a Maďari na Slovensku v rokoch 1945—1953 v dokumentoch / príprava a výber dokumentov: Soňa Gabzdilová-Olejníková, Milan Olejník; úvodná štúdia: Štefan Šutaj. Prešov : Universum, 2005. 259 s.

Статья поступила в редакцию 27 сентября 20012 г.